E29
217

Отдѣльный оттискъ изъ журн. «Историческій Вѣстникъ», №№ 1, 2.

E29 217

Изъ донесеній Баварскаго повѣреннаго въ дѣлахъ Ольри (Olry) въ первые годы царствованія (1802—1806) Императора Александра I

Съ предисловіемъ Вел. Кн. Николая Михаиловича

ПЕТРОГРАДЪ
1917

XVIII-3117а

Отдѣльный оттискъ изъ журн. «Историческій Вѣстникъ», №№ 1, 2.

E29 217

Изъ донесеній Баварскаго повѣреннаго въ дѣлахъ Ольри (Olry) въ первые годы царствованія (1802—1806) Императора Александра I

Съ предисловіемъ Вел. Кн. Николая Михаиловича

ПЕТРОГРАДЪ
1917

Петроградъ, дозволено военной цензурой 14 февраля 1917 года.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
32167 1983 г.

Тип. Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время". Эртелевъ, 13

Предисловіе.

Когда-то, совсѣмъ случайно, я пріобрѣлъ бумаги, принадлежавшія баварцу графу Брэ (Bray), который былъ весьма незаурядный дипломатъ въ Наполеоновскую эпоху: всегда умѣлъ быть хорошо освѣдомленнымъ на тѣхъ мѣстахъ, куда его посылали, и оставилъ интересные и занимательные мемуары. Они были начатаны въ Германіи въ 1901 году. Этотъ графъ Брэ былъ одно время довѣреннымъ лицомъ у Талейрана, но баварца сильно недолюбливалъ князь Меттернихъ, потому что въ тѣ времена политика Баваріи и Австріи была другъ другу враждебна. Одно время онъ состоялъ въ качествѣ баварскаго посланника въ Россіи (1808—1812), и этотъ періодъ его дѣятельности подробно описанъ въ напечатанныхъ его воспоминаніяхъ. Въ настоящее время мнѣ хочется ознакомить нашу читающую публику съ отрывками донесеній другого баварца, Ольри (Olry), жившаго въ Россіи въ началѣ XIX столѣтія (1802—1806), тонкаго наблюдателя, сообщавшаго своему правительству, а также и графу Брэ, очень цѣнныя данныя не только о вновь вступившемъ на престолъ государѣ, но и о русскомъ дворѣ, русскомъ правительствѣ и нашихъ нравахъ въ первый періодъ послѣ трагической кончины императора Павла. Наблюдательность молодого баварца поражаетъ своею тонкостью, и онъ умѣлъ схватывать многое такое, что ускользало отъ вниманія другихъ его современниковъ. Оригиналы донесеній Ольри находятся въ моей библіотекѣ, а самую занимательную часть ихъ мы издаемъ нынѣ, какъ документы такой эпохи,

которая, несмотря на массу уже напечатаннаго во всѣхъ странахъ Европы матеріала, все-таки возбуждаетъ большой интересъ, не только сама по себѣ, но и по послѣдующему ходу событій. Часть записокъ Ольри была напечатана въ воспоминаніяхъ графа Брэ на нѣмецкомъ языкѣ. Ольри покинулъ навсегда Россію въ іюнѣ 1806 года, а до этого времени неоднократно замѣнялъ настоящаго баварскаго представителя при нашемъ дворѣ Поша (Posch), часто отлучавшагося изъ Петербурга. Впослѣдствіи Ольри разошелся и съ баварскимъ правительствомъ, и съ графомъ Брэ, и поселился въ Швейцаріи, гдѣ примкнулъ къ самымъ либеральнымъ дѣятелямъ Швейцарской республики.

Великій князь Николай Михаиловичъ.

9-го декабря 1916 года.

Извлеченіе изъ письма д'Ольри отъ 18 сентября 1802 г.

Графъ А. Воронцовъ, характеръ котораго я достаточно описалъ въ обзорѣ послѣдняго административнаго переворота въ этой странѣ, полагалъ, что съ самаго его выступленія его возрастъ и уваженіе, которымъ онъ пользуется, дадутъ ему такое вліяніе на государя, что онъ будетъ въ правѣ проявить въ первые же моменты своей дѣятельности свои собственные взгляды и политическіе принципы. Отсюда его первые выпады по адресу всѣхъ министровъ, придерживающихся системы, которую мы приняли; отсюда его нападки и рѣзкая критика всѣхъ актовъ, созданныхъ этой системой. Но когда онъ понялъ, благодаря оппозиціи императора, что вѣрность государя ранѣе принятымъ имъ на себя обязательствамъ замѣняетъ ему въ данныхъ обстоятельствахъ силу характера, онъ пришелъ къ убѣжденію, что ему не слѣдуетъ рисковать и, разбивая стекла, подрывать свой авторитетъ, а надо скрывать свои ходы.

Отсюда этотъ внезапный поворотъ, перемѣна тона и манеръ относительно всѣхъ тѣхъ, которыхъ должны были ужаснуть и оттолкнуть отъ него его первыя рѣчи. Мнѣ нѣтъ надобности докладывать вамъ о нихъ, хотя изъ моихъ донесеній вы имѣете о нихъ лишь слабое представленіе. Но было ли благоразумно дать себя провести личинѣ вкрадчивости, нагота которой открывается безъ всякихъ затрудненій? Входитъ ли въ расчетъ министра отталкивать отъ своихъ принциповъ тѣхъ, взгляды и политическіе интересы которыхъ онъ въ сущности раздѣляетъ, и приводить ихъ въ ужасъ заявленіями, столь противоположными системѣ, принятой его дворомъ? По всей вѣроятности, и на основаніи положительныхъ данныхъ, съ которыми я васъ уже познакомилъ, я долженъ сознаться, что я боялся бы быть одураченнымъ, и, сознаюсь, я не сталъ бы такъ спѣшить въ нашихъ варіантахъ. Послѣдствія слишкомъ явно доказали, что мы ошибались. Я утѣшаюсь только увѣренностью

въ томъ, что настоящіе переговоры будутъ окончены въ томъ смыслѣ, въ какомъ они были начаты, ибо такова воля императора, и онъ хочетъ ихъ окончить. Но мнѣ кажется, что при нашемъ ремеслѣ надо бросить взглядъ на будущее и исходить изъ имѣющихся у насъ данныхъ, чтобы разсчитать будущіе шансы. Правило, принципъ имѣютъ свои слѣдствія и свой результатъ. Также и событія. Но, читая донесенія Поша, не забывайте, что въ глубинѣ души здѣсь не любятъ Франціи и французовъ; что противъ Гаугвица существуетъ озлобленіе и что нашу мюнхенскую политическую систему отъ всего сердца послали бы къ чорту. Вотъ что лучше всего даетъ ключъ къ тѣмъ многочисленнымъ заискиваніямъ, которыми полны наши депеши, когда заходитъ вопросъ о канцлерѣ. Я также согласенъ, что слѣдуетъ продолжать и удваивать старанія и всячески выказывать вниманіе. Однако, если настоящій порядокъ еще продолжится здѣсь, намъ не слѣдуетъ закрывать глаза на будущее, и мы должны держаться на-сторожѣ.

При такихъ обстоятельствахъ я былъ бы очень огорченъ, если бы поведеніе Франціи относительно Швейцаріи подало поводъ къ инсинуаціямъ, которыя посыплются со всѣхъ сторонъ. Чтобы удержать эту страну, есть одно средство, тѣмъ болѣе могущественное, что оно дѣйствуетъ прямо: Лагарпъ оказываетъ на своего августѣйшаго ученика замѣтное вліяніе.

Многіе смотрѣли на перемѣны, только что происшедшія въ Петербургѣ, какъ на одну изъ министерскихъ революцій, столь обыкновенныхъ въ этой столицѣ, и находили въ этомъ только личное желаніе императора окружить себя болѣе тѣсно друзьями своего дѣтства и начать свое царствованіе реформами, которыя могли бы снискать ему любовь его народовъ.

Другіе, болѣе раздраженные, увидѣли въ этомъ признаки народной революціи. Это послѣднее мнѣніе не заслуживаетъ, однако, почти никакого опроверженія, ибо считать революцію возможной въ странѣ, гдѣ народности такъ же разнообразны, какъ и климатъ, гдѣ простой народъ является рабомъ по привычкѣ, по нравамъ и религіи, гдѣ просвѣщеніе можетъ пока только вести неравную борьбу съ варварствомъ, гдѣ дворянство является единственнымъ вождемъ движенія и дворцовыхъ катастрофъ, которыми полна исторія Россіи за послѣднее столѣтіе, и не имѣетъ другого имущества, кромѣ крѣпостныхъ,—считать здѣсь революцію возможной, говорю я, было бы грубой ошибкой воображенія или же слѣдствіемъ полнаго незнанія нравственнаго состоянія Россіи. Но когда начинаешь изучать характеръ послѣднихъ событій, ихъ причины и предшествовавшія имъ обстоятельства, когда знаешь ихъ зачинщиковъ, то становишься склоннымъ судить о нихъ, какъ о событіяхъ, образующихъ одну изъ самыхъ замѣчательныхъ эпохъ, которая не останется безъ вліянія на будущія судьбы этой имперіи.

Съ самаго момента прибытія нашего въ Петербургъ, сейчасъ же послѣ смерти Павла I, было не трудно предвидѣть, что въ управленіи страной ожидаются важныя перемѣны. Причины этого заключались не столько въ полномъ различіи между характеромъ и наклонностями теперешняго императора и его покойнаго отца, сколько въ неустойчивости правительства, въ колебаніяхъ партій и въ особенности въ образѣ мыслей дворянства, которое боялось будущихъ покушеній деспотизма противъ его привилегій и свободы. Терроръ, висѣвшій надъ нимъ въ послѣднее царствованіе вслѣдствіе того, что императоръ хотѣлъ на дѣлѣ отомстить этому рою придворныхъ за то презрѣніе, жертвой котораго онъ былъ во время царствованія его матери, внушилъ этому классу желаніе оградить себя на будущее время отъ подобныхъ покушеній и столь же унизительнаго угнетенія. Общій крикъ противъ виновниковъ злодѣянія 11-го марта 1801 года поднялся въ Петербургѣ не потому, что дѣло это было жестоко по умыслу и по исполненію, но потому, что Паленъ и Зубовъ, въ качествѣ вожаковъ заговора, поставили императору Александру, какъ условіе sine qua non, ограниченіе верховной власти и довольно свободно произносили слово «конституція». Но потому ли, что заговорщики не дали созрѣть своимъ идеямъ на этотъ счетъ, или потому, что ихъ удерживали другія соображенія, но замѣтно было, что съ этого времени явилось общее стремленіе къ этой аристократіи или дворянской олигархіи, которая, повидимому, была готова возникнуть на развалинахъ абсолютной власти, укрѣпленной Петромъ I путемъ отмѣны патріаршества и полнаго подчиненія себѣ коронныхъ вассаловъ.

Всей Европѣ извѣстны указы, изданные теперешнимъ императоромъ съ самаго его восшествія на престолъ. Они стремятся вернуть дворянству и духовенству ихъ былой блескъ. Павелъ I дошелъ до того, что ввелъ тѣлесное наказаніе для дворянства, какъ для простого народа. Недавно изданный указъ возстановилъ прежнюю привилегію этого класса. Вообще для петербургской колоніи было не трудно измѣрить открывавшееся широкое поле дѣятельности для дворянства въ новое царствованіе, ибо, что бы ни говорили объ этомъ дворѣ и окружающихъ его дворянахъ, я рѣшаюсь утверждать на основаніи всего того, что я самъ видѣлъ, наблюдалъ и слышалъ въ теченіе того короткаго времени, которое я нахожусь здѣсь, что всякое описаніе будетъ ниже дѣйствительности. Этому двору хорошо знакомы всѣ хитросплетенія, которыя только можетъ изобрѣсти геній интриги, и для него священны всѣ средства, лишь бы добиться своей цѣли. Любовь къ общественному благу, преданность своему отечеству вовсе не служатъ пружиной ихъ дѣйствій, и всѣ эти сердца, очерствѣвшія отъ честолюбія и жажды почестей и богатства, кажутся недоступными благороднымъ чувствамъ, которыя часто давали силу самымъ испорченнымъ народамъ и

самымъ одряхлѣвшимъ правительствамъ и порождали полезныхъ или знаменитыхъ гражданъ. Нѣтъ надобности напоминать по этому случаю несчастный конецъ всѣхъ мужскихъ представителей царствующаго дома, которые съ Петра I держали этотъ опасный скипетръ; исторія конца послѣдняго царствованія, относительно котораго я собралъ значительное число разсказовъ, которые будутъ помѣщены въ другомъ мѣстѣ, представляетъ неопровержимыя тому доказательства. Эти мысли находятъ подтвержденіе и въ событіи, случившемся весьма недавно. Это случай съ гвардейскимъ офицеромъ Шубинымъ. О дѣлѣ этомъ уже упоминалось въ общихъ чертахъ. Вотъ что мнѣ извѣстно.

Въ августѣ въ Лѣтнемъ саду между 9 и 10 часами вечера раздался выстрѣлъ изъ пистолета. Прибѣжавшіе на выстрѣлъ часовые и полиція нашли Шубина, который оказался легко раненымъ. Онъ объявилъ, что сдѣлался жертвою покушенія, что покушавшагося на него онъ знаетъ только въ лицо и легко узнаетъ его, если его ему предъявятъ, но что по этому дѣлу онъ имѣетъ сдѣлать важныя сообщенія. Его ведутъ къ генералъ-губернатору Кутузову[1]), которому онъ сообщаетъ по секрету, что лицо, покушавшееся на его жизнь, предлагало ему нѣсколько недѣль тому назадъ принять участіе въ заговорѣ, затѣвавшемся противъ императора. Но такъ какъ онъ отказался, то покушавшійся, очевидно, хотѣлъ отдѣлаться отъ него, какъ отъ сообщника, боясь его преданности императору. Когда генералъ-губернаторъ доложилъ объ этомъ дѣлѣ, то императоръ, находившійся въ это время на дачѣ на Каменномъ островѣ, въ 3 часа ночи возвратился въ городъ, велѣлъ моментально разбудить и позвать къ нему его брата Константина, которому и сообщилъ о всемъ томъ, что довелъ до его свѣдѣнія генералъ-губернаторъ. Тотъ приказалъ привести къ себѣ Шубина, который назвалъ ему въ числѣ мнимыхъ заговорщиковъ нѣсколькихъ лицъ, наиболѣе близкихъ къ его величеству, между прочимъ перваго адъютанта великаго князя Озерова. Великій князь велѣлъ немедленно арестовать ихъ и отослалъ Шубина къ губернатору съ приказаніемъ приступить къ допросу и собрать такимъ путемъ всѣ свѣдѣнія, какія только окажется возможнымъ. Вся эта суматоха встревожила дворецъ, и императоръ и великій князь были въ ужасѣ, когда черезъ нѣсколько часовъ пришло другое донесеніе, извѣщавшее императора, что Шубинъ, отъ котораго потребовали, чтобы онъ разсказалъ все дѣло ясно и со всѣми подробностями, сознался наконецъ, что онъ самъ выстрѣлилъ въ себя изъ пистолета и прибѣгъ къ этому средству, чтобы заинтересовать собою императора, въ надеждѣ, что его величество заплатитъ за него долги. Получивъ

[1]) Знаменитый впослѣдствіи фельдмаршалъ Михаилъ Илларіоновичъ Голенищевъ-Кутузовъ.

это донесеніе, императоръ приказалъ освободить всѣхъ оговоренныхъ въ первомъ показаніи и, повидимому, совершенно успокоился. Дѣло это, переданное въ военную комиссію подъ предсѣдательствомъ сначала генералъ-фельдмаршала Каменскаго, а потомъ генерала Михельсона, долго оставалось подъ спудомъ, окутанное непроницаемой тайной. Приговоромъ, состоявшимся наконецъ въ этой комиссіи, обвиняемый приговоренъ къ четвертованію заживо. Этотъ приговоръ къ смертной казни, посланный къ генералъ-аудитору для новаго пересмотра, былъ замѣненъ безсрочной ссылкой въ Нерчинскіе рудники, а императоръ по добротѣ своей еще смягчилъ это наказаніе и замѣнилъ его ссылкой на нѣсколько лѣтъ въ Нерчинскій округъ. Развѣ подобныя происшествія не даютъ права думать, что Неронъ нашелъ бы здѣсь больше сотрудниковъ и, можетъ быть, больше безопасности, чѣмъ Титъ?

Вотъ въ эту-то среду придворныхъ, принадлежащихъ къ множеству партій, которыя создала тиранія Павла I и въ которыхъ она оставила непріятное чувство противъ абсолютной власти, вотъ въ эту-то толпу придворныхъ и былъ брошенъ въ расцвѣтѣ лѣтъ теперешній государь, обладающій по природѣ мягкимъ и мирнымъ характеромъ, не безъ доброжелательности, но безъ энергіи и проницательности, столь необходимой тѣмъ, кто призванъ править этой имперіей. Его воспитаніе и молодость были ввѣрены Лагарпу. Этотъ человѣкъ такъ извѣстенъ по той роли, которую онъ игралъ въ своемъ собственномъ отечествѣ, что нѣтъ надобности напоминать здѣсь объ его образѣ мыслей. Онъ былъ республиканцемъ по принципу и, въ качествѣ швейцарца, по чувству долга. Было бы, конечно, смѣшно упрекать его лично въ этомъ, ибо этимъ именно чувствамъ его страна долго была обязана своей независимостью и своимъ благополучіемъ. Вѣроятно, ему приходилось высказывать эти чувства лишь въ откровенныхъ бесѣдахъ, столь естественныхъ между ученикомъ и учителемъ. Онъ могъ, слѣдовательно, ошибаться только въ практическомъ ихъ примѣненіи. Но, какъ бы то ни было, представляется несомнѣннымъ, что его ученикъ сохранилъ въ себѣ похвальное желаніе обратить свое вниманіе на народное благосостояніе и счастье своихъ народностей. Лагарпъ навсегда сохранилъ за собою полное довѣріе своего августѣйшаго ученика. До его отъѣзда изъ Россіи и во время его послѣдняго пребыванія въ Петербургѣ императоръ именно у него искалъ отдыха отъ дѣлъ и почерпалъ совѣты. Кажется, онъ не остался чуждъ и тѣмъ проэктамъ, которые только что получили свое осуществленіе, не раздѣляя, однако, ихъ задней мысли.

До сего времени императоръ неоднократно выражалъ желаніе отмѣнить крѣпостное право, но это желаніе подавлялось тотчасъ же, какъ возникало, ибо, какъ я уже указалъ, не къ этому стремится дворянская партія. Она работаетъ вовсе не надъ тѣмъ, чтобы осу-

ществить желанія или мечты философіи или улучшить положеніе народа. Чтобы достичь поставленной себѣ цѣли, ей слѣдовало воспользоваться наклонностями императора и прикрыться плащомъ общественнаго блага. Не имѣя ни житейской опытности, ни правительственнаго опыта, онъ самымъ сердцемъ своимъ и добродѣтелями, казалось, предавался въ ихъ руки.

Вотъ разсказъ, который я слышалъ изъ устъ сестры графа Воронцова, знаменитой графини Дашковой, и который показываетъ, до какой степени его доброта отдавала его подъ опеку. Она мнѣ разсказывала, что на послѣднемъ собраніи кавалеровъ ордена св. Владимира, на которомъ предсѣдательствовалъ ея братъ, было рѣшено просить государя принять и носить этотъ орденъ въ знакъ признательности за все то, что съ начала своего царствованія онъ сдѣлалъ для счастья и процвѣтанія государства. Его величество отвѣтилъ графу Воронцову, который, въ качествѣ депутата отъ кавалеровъ ордена передалъ ему это пожеланіе его товарищей, что онъ еще не достоинъ этого ордена и что, по его мнѣнію, за десять лѣтъ своихъ усилій онъ еще не получилъ права на такой знакъ отличія, и упорно отказался принять орденъ. Безполезно предаваться размышленіямъ о скромности монарха—главы, который самъ жалуетъ всѣ ордена, и о совершенно новой въ Россіи мысли предложить ему одинъ изъ орденовъ отъ лица его подданныхъ.

Ссылаясь на улучшенія и экономію, предположенную въ представленныхъ новыми министрами планахъ, которую доводили до нѣсколькихъ милліоновъ, они заявили, что было бы невозможно примѣнить въ новой администраціи, которую его величество ввелъ для искорененія злоупотребленій, тѣхъ, которымъ онъ ввѣрялъ власть при прежней организаціи, ибо легко было предвидѣть, что ихъ предразсудки и ихъ образъ мыслей всегда будутъ въ оппозиціи новымъ идеямъ и скорѣе будутъ мѣшать ходу дѣлъ, чѣмъ облегчать его. Такимъ образомъ имъ удалось добиться удаленія отъ него прежнихъ слугъ монархіи и подорвать довѣріе императора къ матери и отнять у нея друзей и совѣтниковъ въ лицѣ Куракиныхъ[1]). Все, однако, указываетъ, что на этомъ не остановятся и что ихъ постараются, какъ то было съ отцомъ императора, поссорить непримиримо. Его величество, обыкновенно, совѣтовался или, по крайней мѣрѣ, доводилъ до свѣдѣнія императрицы Маріи о всемъ, что онъ дѣлалъ важнаго въ области администраціи и управленія. И тѣмъ не менѣе ничто не можетъ сравниться съ той таинственностью, которою были окружены отъ нея эти перемѣны. Поэтому она была такъ поражена имп, что не явилась на собраніе двора 5 (17) сентября по случаю годовщины коронаціи-императора,

[1]) Александра и Алексѣя Борисовичей.

хотя ее тамъ и ожидали, и рѣшилась продолжить свое пребываніе въ Гатчинѣ до ноября.

Великій князь Константинъ также сдѣлался предметомъ таинственности этой партіи. Этотъ великій князь, всюду ненавидимый, гнѣвный, стремительный, у котораго при недостаткахъ его отца мало хорошихъ качествъ, которыми тотъ иногда отличался, явился для реформаторовъ камнемъ преткновенія. Его жестокій и непреклонный характеръ, права, которыя ему даетъ отсутствіе прямого наслѣдника, все это могло побудить его къ сильнымъ и энергичнымъ представленіямъ, которыя вмѣстѣ съ представленіями его матери могли бы разрушить проектъ дѣльцовъ и отвлечь отъ нихъ императора. Вотъ почему были пущены въ ходъ величайшія старанія, чтобы лишить его всякаго довѣрія императора, и ожидали лишь отъѣзда его въ Польшу, чтобы обнародовать происходящія теперь перемѣны. Этой же причиной надо объяснить и путешествіе его въ Вѣну, которое при настоящихъ обстоятельствахъ возбудило такое удивленіе.

Я могу утверждать, что, не говоря о его незнаніи всего того, что готово было совершиться, онъ, отправляясь отсюда, думалъ совершить лишь инспекторскую поѣздку. Я знаю это изъ достовѣрныхъ источниковъ,—могу даже сказать, отъ самыхъ близкихъ къ нему людей. Я вспоминаю, что сейчасъ же послѣ его отъѣзда, т.-е. въ то самое время, когда вступили въ должность новые министры, въ Вѣну дали понять, совершенно, однако, секретно, что императору было бы пріятно, если бы его братъ побывалъ въ этомъ городѣ и если бы его туда пригласили. Естественно, что австрійскій дворъ, столь заинтересованный въ томъ, чтобы заискивать у этого министерства, сдѣлалъ все, чтобы склонить великаго князя къ этой поѣздкѣ, и это обстоятельство въ связи съ его личнымъ неудовольствіемъ противъ всего происходившаго привело къ желательной для интригановъ цѣли. Я не могу ручаться вполнѣ за то, что въ Вѣнѣ дѣйствительно были сдѣланы соотвѣтствующіе намеки, но все, что я могъ узнать на этотъ счетъ, даетъ всему этому вѣроятность, которую нельзя не принимать въ расчетъ тамъ, гдѣ догадки являются единственнымъ средствомъ добраться до истины.

Говоря объ этой догадкѣ, не будетъ, быть можетъ, очень смѣлымъ предположить, что поѣздка эта могла, по примѣру его отца въ бытность его великимъ княземъ, продолжиться гораздо дольше, чѣмъ думали.

Среди этихъ событій я долженъ замѣтить, что тотъ же планъ реформъ, который теперь принятъ, уже былъ составленъ, и его готовились представить на утвержденіе императора во время его коронованія въ Москвѣ. Планъ этотъ потерпѣлъ крушеніе благодаря чистой случайности, которую не могли предвидѣть его авторы. Вотъ какъ было дѣло. Сенаторъ Тепловъ, человѣкъ безукоризненной

репутаціи, извѣщенный однимъ изъ секретарей сената, Завадовскимъ, о составленномъ находящейся теперь въ силѣ партіей, главой которой является канцлеръ Воронцовъ, проектѣ ограниченія императорской власти подъ предлогомъ возстановленія первоначальнаго значенія сената, незадолго до того, какъ проектъ этотъ долженъ былъ разсматриваться сенаторами, увѣдомилъ объ этомъ генерала Ламба[1]), преданность и вѣрность котораго ему была извѣстна. Этотъ вѣрный слуга, испуганный послѣдствіями, къ которымъ должно было привести такое положеніе дѣлъ, рѣшился сказать объ этомъ императору и тотчасъ же отправился къ нему и сообщилъ ему о сдѣланномъ имъ открытіи, о серьезныхъ соображеніяхъ, на которыя оно наводитъ, и объ опасныхъ для его власти послѣдствіяхъ, которыя оно повлечетъ за собой, если онъ по добротѣ своей будетъ выслушивать подобныя предложенія или относиться къ этому вопросу съ нѣкоторымъ вниманіемъ.

Велико было его удивленіе, когда онъ увидѣлъ, что императоръ принялъ это сообщеніе, столь важное и столь задѣвающее интересы его короны, довольно холодно и равнодушно и ограничился только тѣмъ, что поблагодарилъ его за это проявленіе преданности и успокоилъ, сославшись на увѣренность, которую онъ питаетъ въ преданность и вѣрность его подданныхъ. Недовольный и въ отчаяніи отъ такого равнодушія, генералъ не палъ духомъ и отправился къ графу Строганову-отцу[2]) и сообщилъ ему о томъ, что должно было произойти въ ближайшемъ засѣданіи сенаторовъ, сказавъ, что онъ ждетъ отъ его любви къ государю, что онъ не подпишетъ подобнаго проекта, который явно покушается на самодержавную власть. Когда такое предложеніе будетъ сдѣлано, онъ долженъ возстать противъ него по чувству чистаго патріотизма, которымъ, по его свѣдѣніямъ, онъ одушевленъ. Такимъ образомъ генералъ научилъ графа Строганова, сказавъ, что онъ пріѣхалъ къ нему отъ императора и что императоръ желаетъ, чтобы онъ сдѣлалъ все то, о чемъ онъ ему только что говорилъ. Въ день, назначенный партіей для чтенія и принятія законопроекта въ сенатѣ, Завадовскій, человѣкъ очень образованный и начитанный, прочелъ его съ большимъ одушевленіемъ. Онъ постарался изложить проектъ съ краснорѣчіемъ, въ патріотическомъ тонѣ, который дѣлалъ его пріемлемымъ. Прочитавъ его, онъ тотчасъ же подписалъ его, точно такъ же, какъ графъ Воронцовъ и другіе участники, въ надеждѣ, что ихъ примѣръ заставитъ другихъ сдѣлать то же. Но графъ Строгановъ взялъ слово и повторилъ то, что ему напѣлъ генералъ Ламбъ. Сторонники проекта, разстроенные сопротивленіемъ человѣка, столь уважаемаго, который не преминулъ бы увлечь своимъ примѣромъ

---

[1]) Иванъ Варѳоломеевичъ, въ декабрѣ 1801 года.

[2]) Гр. Александръ Сергѣевичъ (1738—1811), строитель Казанскаго собора.

большую часть своихъ сотоварищей, сняли свои предложенія. Слѣдуетъ замѣтить, что въ то время они далеко не преслѣдовали тѣхъ цѣлей, которыя имъ приписывали впослѣдствіи и которыя изложены въ указахъ, переводъ которыхъ былъ препровожденъ въ министерство курфюршества. Но все доказываетъ, что уже тогда императоръ зналъ кое-что объ этомъ проектѣ, хотя и не соглашался съ нимъ. Съ тѣхъ поръ сторонники проекта съ величайшею послѣдовательностью и активностью работали надъ тѣмъ, чтобы склонить его на это, то перспективою выдающихся постовъ, пріобщая къ своимъ интересамъ нѣкоторыхъ молодыхъ людей, окружающихъ императора и близкихъ къ нему, то обращая въ свою пользу ихъ собственный образъ мыслей. Съ этого времени усилились нападки на людей, занимавшихъ въ то время высшіе посты, а именно на генералъ-прокурора Беклешова[1]), генералъ-губернатора Кутузова, вице-канцлера Куракина[2]) и начальника полиціи. Здѣсь было бы умѣстно очертить, кромѣ пущенныхъ въ ходъ интригъ, и нравственную личность всѣхъ дѣйствовавшихъ лицъ и поговорить относительно компетенціи каждой отрасли власти, но баронъ де-Пошъ уже далъ въ своихъ донесеніяхъ портреты главнѣйшихъ изъ нихъ, и мнѣ остается сказать, что большинство изъ нихъ извѣстно своею склонностью къ реформаторскихъ идеямъ и что эта склонность у большинства является результатомъ ихъ воспитанія и вліянія принциповъ ихъ наставниковъ. Я не могу обойти молчаніемъ одну черту, которая можетъ характеризовать главное дѣйствующее лицо, будемъ ли мы смотрѣть на него, какъ на главаря, или же какъ на орудіе. Всѣмъ извѣстно, что теперешній канцлеръ, графъ Воронцовъ, во времена покойной императрицы Екатерины II былъ посланникомъ въ Лондонѣ, но только недавно, да и то при помощи разспросовъ, которые я производилъ на этотъ счетъ, я узналъ, почему его оттуда отозвали. Онъ завязалъ столь близкія связи съ партіей оппозиціи, что великобританское министерство встревожилось, и лордъ Чатамъ секретно сообщилъ объ этомъ императрицѣ, которая его отозвала, а затѣмъ поставила его въ такое положеніе, что онъ потерялъ всякое значеніе.

Вообще я не разъ имѣлъ возможность убѣдиться въ такомъ образѣ мыслей дворянской молодежи изъ интимныхъ разговоровъ, которые я часто велъ съ нею. Не разъ мнѣ приходилось удивляться свободѣ и откровенности ихъ признаній на этотъ счетъ. Но когда подумаешь, что это та самая молодежь, которая теперь дѣлитъ между собою всѣ мѣста, занимаетъ всѣ доступы къ трону и окружаетъ императора, то приходится прибавить, что мои догадки пріобрѣтаютъ такую вѣроятность, какъ никогда. Въ самомъ дѣлѣ, если

[1]) Александръ Андреевичъ (1745—1808).
[2]) Александръ Борисовичъ (1752—1818).

время придастъ произведеннымъ перемѣнамъ ту прочность, которая для всѣхъ учрежденій является исключительно его дѣломъ, то не будетъ ли правильно сказать, что власть государей окажется не только ослабленной, но и ограниченной? Не входя въ обсужденіе того, явится ли такой исходъ добромъ или зломъ для страны, тѣмъ не менѣе станетъ ясно, что въ образѣ правленія произойдетъ полная перемѣна. Благодаря такимъ уступкамъ и установилась въ разныхъ частяхъ Европы и чрезвычайно тамъ упрочилась власть вассаловъ, штатовъ, парламентовъ и другихъ корпорацій и впослѣдствіи нерѣдко соперничала съ властью государей. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не того же характера функціи, предоставленныя императоромъ сенату? И развѣ не изумительно въ Россіи это рѣшеніе, дарующее судебному учрежденію право представленія или возраженія противъ указовъ государя и право привлекать къ своему суду министровъ и губернаторовъ, которые должны давать ему отчетъ и отвѣчать передъ нимъ за свои дѣйствія? Пусть не говорятъ, что сенатъ, который за послѣднее время сдѣлался складочнымъ мѣстомъ для ничтожныхъ людей, отставленныхъ или потерпѣвшихъ неудачу въ своей карьерѣ, не можетъ сдѣлаться когда-нибудь страшнымъ для власти монарха, ибо разрабатывается уже полная реформа этого учрежденія подъ предлогомъ и при посредствѣ его новыхъ функцій, и въ виду выдающагося положенія, которое ему дано, все, что имѣетъ теперь вліяніе, пожелаетъ имѣть въ немъ своихъ ставленниковъ. Безъ сомнѣнія, главная цѣль, къ которой направляется вниманіе господствующей партіи, состоитъ въ томъ, чтобы образовать союзъ между сенатомъ и министерствомъ, и всѣ свои усилія министерство направляетъ, чтобы обезпечить свою власть, свою безнаказанность и передать вопросъ объ его отвѣтственности въ руки своихъ друзей. Въ одинъ прекрасный день онъ вступитъ въ борьбу, которую онъ впослѣдствіи можетъ предпринять безъ желанія государя, со своей полнотой власти, опирающейся на силу закона и общественнаго мнѣнія. Подобныя намѣренія находятся въ слишкомъ явномъ противорѣчіи съ неограниченной верховной властью, которою окружилъ себя покойный императоръ, говоря, что у него въ Россіи тотъ дворянинъ, съ кѣмъ онъ говоритъ, и не могутъ не привлекать къ себѣ общественнаго вниманія и не входить въ политическіе расчеты. Слѣдуетъ еще замѣтить, что все то, что стоитъ въ оппозиціи къ восторжествовавшей партіи, удалено отъ лица императора. Никогда еще пораженіе не было столь полнымъ, и въ многочисленныхъ перемѣнахъ, которыми богатъ этотъ дворъ въ исторіи фаворитизма, проигравшая дѣло партія всегда сохраняла кое-какіе каналы. Но въ данномъ случаѣ все было отнято, и, какъ я уже замѣтилъ, наклонности и слабость государя сами стремятся къ тому, чтобы заставить его итти въ направленіи желательномъ для людей,

стоящихъ нынѣ у дѣла, пока не наступилъ моментъ пробужденія. Но тогда ему нельзя уже будетъ отступать, не сдѣлавшись такъ или иначе жертвой.

Я не хочу ограничивать кругъ людей, волнующихъ здѣшній дворъ, партіей побѣдителей и побѣжденныхъ. Интриги имѣютъ множество подраздѣленій, которыя, смотря по обстоятельствамъ, то сталкиваются, то сближаются между собою, теряютъ или сохраняютъ надежду восторжествовать, въ свою очередь. Между ними впервые замѣчаются признаки проявленія партіи, которая обратила свои взоры на царствующую императрицу. Нельзя подозрѣвать эту чрезычайно скромную и робкую императрицу въ честолюбіи, которое, по примѣру Екатерины II, могло бы заставить ее взять въ свои руки замыселъ, покушающійся на власть ея августѣйшаго супруга или на право законныхъ наслѣдниковъ,—ея сердце, какъ и ея характеръ заставили бы ее отказаться отъ этого съ ужасомъ. Однако не было бы ничего невозможнаго въ томъ, что она была бы вовлечена въ это дѣло помимо своего желанія, какъ это было съ теперешнимъ императоромъ и его братомъ въ махинаціяхъ, подготовленныхъ и повлекшихъ страшную катастрофу съ ихъ отцомъ.

Не придавая особаго значенія шуткамъ покойнаго императора Павла насчетъ князя Чарторыйскаго по поводу первыхъ родовъ императрицы Елизаветы, тогда еще великой княгини, извѣстно, что она не пользуется любовью государя, что, несмотря на всѣ ея усилія скрыть свои огорченія, часто невольная грусть среди придворныхъ увеселеній выдаетъ тайну ея сердца. Всѣмъ извѣстны постороннія привязанности императора. Общество, не отличавшееся никогда снисходительностью къ нему, тѣмъ болѣе склонно осуждать его, что слухъ о его безсиліи навлекаетъ на посѣщаемыхъ имъ женщинъ своего рода презрѣніе, а благосклонность, которой онѣ пользуются, возбуждаетъ мысль о ихъ снисходительности, и это дѣлаетъ его благосклонность ни благородной, ни извинительной. Извѣстно самымъ достовѣрнымъ образомъ, что единственный мужчина, котораго императрица видитъ съ удовольствіемъ и который бываетъ въ ея интимномъ обществѣ,—князь Чарторыйскій [1]), которому, судя по довольно положительнымъ свѣдѣніямъ, удалось силою своего характера захватить превосходство надъ императоромъ и который, по слухамъ, обязанъ занимаемымъ имъ теперь мѣстомъ гораздо болѣе этому чувству, чѣмъ чему-либо другому. Его близкія отношенія съ монархомъ и интересъ, съ которымъ старались овладѣть этимъ драгоцѣннымъ средствомъ общенія вмѣстѣ съ желаніемъ укрѣпить авторитетъ императрицы-матери, заставили князя Куракина сдѣлать серьезныя попытки къ сближенію обѣихъ этихъ

[1]) Князь Адамъ (1770-1861).

императрицъ во время путешествія императора въ Мемель, за ставивъ ихъ встрѣтиться въ его отсутствіе въ Павловскѣ. Бывшій вице-канцлеръ сдѣлалъ все, чтобы устранить давно уже суще ствовавшія между ними обѣими тренія и образовать изъ нихъ лигу противъ своихъ и своей августѣйшей покровительницы противни ковъ. Съ этой цѣлью воспользовались, какъ меня увѣряли, гоф мейстеромъ двора великихъ княгинь княземъ Александром Голицынымъ [1]), имѣющимъ близкія связи съ княгиней Шаховской[2]) любимой и довѣренной подругой царствующей императрицы съ которой онъ безпрестанно имѣетъ общеніе. Но потому ли, что хло поты о примиреніи остались безрезультатны, или потому, что предчувствіе близкаго паденія партіи императрицы-матери па рализовало эти хлопоты, отношенія между обѣими императрицам остались прежнія. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что со времени отстраненія Куракина и вдовствующей императрицы въ публи кѣ во множествѣ расточаются похвалы по адресу вдовствующей императрицы, на которыя прежде были такъ скупы. Съ этого вре мени очень часто можно слышать похвалы ея изяществу и красотѣ ея уму, проницательности, ея душевнымъ качествамъ и великим достоинствамъ. Эти признаки кажутся мнѣ тѣмъ болѣе значитель ными, что не слѣдуетъ терять изъ виду, что та партія Зубова, ко торая, держась въ тѣни, все же проявляетъ активную дѣятельность цѣпляется за любимую у женщинъ идею и вовлекаетъ въ вихрь этой столицы значительное количество болѣе или менѣе вліятельныхъ людей. Я имѣю свѣдѣнія изъ хорошаго источника, что для того чтобы имѣть руки развязанными, пресловутый князь Платонъ Зубов поселился въ одномъ изъ своихъ курляндскихъ имѣній, которое находится почти у самой границы, что отсюда онъ ведетъ обширную переписку и что его многочисленные сторонники тайно разжигаютъ снѣдающее его честолюбіе. Не слѣдуетъ, впрочемъ, забывать, что въ той же самой мѣстности находится и знаменитый графъ Паленъ съ нѣкоторыми изъ главныхъ участниковъ событія 11 марта, и что, не смотря на нѣкоторыя несогласія, общіе интересы объединятъ ихъ всѣхъ, если къ тому представится случай. Этого-то объединенія и долженъ послѣдовательно и энергично добиваться князь Платонъ. Другія партія могутъ заявлять претензіи на милости и даже на власть императора, но эта отличается своею къ нему ненавистью и не боится открыто называть его человѣкомъ ничтожнымъ, небла годарнымъ и безхарактернымъ. Если жизни его когда-либо будетъ грозить опасность, то, несомнѣнно, эта опасность явится съ этой стороны.

---

[1]) Князь Александръ Михайловичъ (1770-1821).

[2]) Княжна Наталія Ѳеодоровна (1779-1807) вышла замужъ за кн. А. М. Голицына; подруга имп. Елизаветы Алексѣевны имѣла прозвище «Principessa».

Составляя гороскопъ даннаго положенія, я не считалъ бы слишкомъ смѣлымъ высказать предположеніе, что этотъ кризисъ кончится или монархической аристократіей, или же царствованіемъ императрицы Елизаветы.

Начертавъ, насколько это позволяла неустойчивость точки зрѣнія, картину внутреннихъ интригъ этого двора, разсмотримъ, какое вліяніе эти интриги могли бы имѣть на внѣшнюю политику имперіи. Несомнѣнно, что происшедшія перемѣны уже теперь вносятъ измѣненія въ установившіяся отношенія. Господствующая партія есть партія національно-русская, т. е. образовавшаяся изъ людей, которые большею частью думаютъ, что Россія можетъ довольствоваться сама собою и что она должна поддерживать съ европейскими великими державами лишь общія отношенія и прежде всего тѣ, которыя необходимы для вывоза ея земледѣльческихъ продуктовъ, что она не должна принимать никакого участія въ обсужденіи волнующихъ насъ вопросовъ. Смѣшивая Германію съ Австріей и Пруссіей, не имѣя ни малѣйшаго понятія о своемъ государственномъ правѣ, статистикѣ, они, слыша о курфюрстахъ, герцогахъ, маркграфахъ, видѣли въ нихъ вассаловъ, ради интереса которыхъ не стоитъ ни составлять, ни заниматься нотами. Гордые неизмѣримыми размѣрами своей имперіи, большая часть границъ которой защищена ледовитыми морями или пустынями, увѣренные въ томъ, что въ нихъ одинаково будутъ заискивать и Австрія и Пруссія, какъ скоро обѣ эти державы придутъ въ столкновеніе, не боясь ни той, ни другой, они полагаютъ, что они могутъ спать спокойно среди важныхъ споровъ, которыми занята теперь Европа, и усилій, которыя она дѣлаетъ для того, чтобы обезпечить себѣ въ будущемъ и отдыхъ и спокойствіе на основѣ устойчиваго и мудро разсчитаннаго порядка вещей.

Къ этой увѣренности они присоединяютъ еще гордую вѣру въ то, что промышленность, науки и искусство, все то, что, по ихъ мнѣнію, нужно ихъ странѣ, получили тамъ достаточную прививку и могутъ обойтись безъ содѣйствія примѣровъ и соревнованія, безъ образованія заграничныхъ странъ. Этотъ предразсудокъ доходитъ до желанія выбросить изъ своей среды отдѣльныхъ иностранцевъ или по крайней мѣрѣ устранить отъ дѣятельности тѣхъ изъ нихъ, которые состоятъ на службѣ по различнымъ отраслямъ управленія. Такой образъ мыслей стремится сдѣлать изъ Россіи восточное царство и придаетъ цѣну только торговымъ сношеніямъ, и его порождаетъ, съ одной стороны, склонность къ Англіи, а съ другой—равнодушіе къ интересамъ Германіи, противъ котораго намъ придется, можетъ быть, тщетно, соединить всѣ наши усилія. Именно въ этомъ тонѣ и говорятъ новые министры, и можно думать, что если бы партія не зашла такъ далеко, если бы императоръ по личной своей лояльности и чувству не придерживался прежнихъ своихъ обязательствъ, то

требованія, которыя намъ еще остается заявить, встрѣтили бы здѣсь болѣе чѣмъ равнодушный пріемъ. Къ счастію, монархъ строго придерживается исполненія соглашенія 3 іюня, но на будущее время не слѣдуетъ скрывать отъ себя этихъ фактовъ. Новые министры, враждебные Франціи, можетъ быть, ревнивые къ Пруссіи по причинѣ ея тѣсныхъ связей съ первой и увеличенія этой державы, бросились бы къ Австріи, если бы ихъ личная наклонность уже не привела ихъ къ этому. Дворъ прекрасно знаетъ, въ какомъ направленіи дѣйствуютъ Разумовскіе въ Вѣнѣ, Морковы въ Парижѣ и Воронцовы въ Лондонѣ. Теперь можно сказать, что они дѣйствуютъ въ духѣ ихъ министерства. Исходя изъ этого соображенія, можно будетъ опредѣлить размѣръ тѣхъ надеждъ, которыя мы можемъ возлагать на будущее покровительство Россіи, и усилій, которыя она сдѣлаетъ для поддержанія нашего дѣла.

Но чѣмъ непріятнѣе для насъ это убѣжденіе, тѣмъ, съ другой стороны, важнѣе и необходимѣе удвоить наши старанія и свидѣтельства нашего довѣрія къ ней, а съ другой—не скрывать положенія дѣла отъ нашего двора. Теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, курфюршеское министерство должно одобрить направленіе его политики и его постоянныя усилія укрѣпить наши связи съ Франціей. Его могущественное вмѣшательство вмѣстѣ съ покровительствомъ Пруссіи спасутъ насъ отъ опасностей настоящаго кризиса и заложатъ основанія нашей независимости и нашихъ будущихъ владѣній.

Вотъ, дорогой и достоуважаемый кавалеръ, мое бѣглое посланіе, но я хотѣлъ доказать вамъ, что я не потерялъ времени даромъ въ теченіе тѣхъ 6 мѣсяцевъ, что я живу въ этой столицѣ. Когда я собиралъ эти матеріалы, меня въ особенности подбадривала надежда, что ваше усердіе сумѣетъ извлечь изъ нихъ пользу. Эта причина вмѣстѣ съ снисходительностью и дружбой, которую—я знаю—вы ко мнѣ питаете, заставили меня рѣшиться предложить вашему вниманію эту слабую работу. Я убѣжденъ, что вы увидите въ ней только желаніе быть полезнымъ и дать нашему возлюбленному и августѣйшему монарху доказательство моей неизмѣнной преданности, которую я буду питать къ нему до послѣдняго вздоха.

С.-Петербургъ, 9 (21) августа 1802 г.

Д'Ольри.

С.-Петербургъ, 19 апрѣля (1 мая) 1803 года.

Никогда еще для Россіи не было столь благопріятной и важной эпохи для того, чтобы оказать полезное вліяніе и сыграть роль, достойную этой державы, какъ въ настоящій моментъ, когда не-

согласія между Франціей и Англіей грозятъ снова нарушить европейскій миръ. Такъ какъ обѣ эти державы одинаково заинтересованы въ томъ, чтобы не раздражать ея, то она одна могла бы твердымъ и энергическимъ вмѣшательствомъ устранить грозу и измѣнить положеніе, чтобы сохранить общественное спокойствіе. Но вмѣсто того, чтобы итти по этой дорогѣ, на которую ей, повидимому, указываютъ и забота о ея собственной славѣ, и ея главные интересы, вмѣсто того, чтобы смѣлой рукой взять руль среди настоящаго кризиса, она своимъ вмѣшательствомъ и непредусмотрительнымъ образомъ дѣйствій, кажется, хочетъ дать намъ ключъ къ своей слабости, къ бѣдности своего будущаго и въ то же время къ своимъ самымъ сокровеннымъ желаніямъ.

Я говорю: «къ слабости». И въ самомъ дѣлѣ, какъ иначе характеризовать эти нерѣшительныя дѣйствія правительства, которое руководствуется не какимъ-либо принципомъ, или какой-либо опредѣленной системой, а носится во всѣ стороны по волѣ событій, завися отъ обстоятельствъ, вмѣсто того, чтобы самому овладѣть ими, не принимаетъ никакихъ обязательствъ на будущее время, боясь поставить себя въ неловкое положеніе, и считается съ тѣми, которыя оно уже взяло на себя, только на словахъ, пышныхъ и пустыхъ, дѣйствіе которыхъ разрушается отъ малѣйшаго противодѣйствія? Тѣмъ, кто подобно намъ являются очевидцами внутреннихъ треній этой имперіи, нужно подняться до самыхъ источниковъ этой слабости. Но этотъ вопросъ долженъ послужить темой для особаго мемуара, надъ которымъ я работаю, и здѣсь я удовольствуюсь лишь тѣмъ, что пока укажу вамъ, что рѣдко мысль правительства, которое цѣликомъ уходитъ въ реформу, сохраняетъ какую-нибудь силу, за исключеніемъ правительства, выдвинутаго народной революціей, чего въ этой странѣ нѣтъ.

Я говорю: «бѣдность ея будущаго». Почему бы не назвать такъ паденіе ея вліянія, кредита, политическаго значенія, которое испытываетъ эта монархія со времени перемѣны царствованія. А это забвеніе своихъ собственныхъ интересовъ! Всѣ знаютъ то впечатлѣніе, которое произвела въ Европѣ удивительная дѣятельность Павла I, и убѣжденіе въ силѣ его имперіи, которое онъ послѣ себя оставилъ. Не было ничего проще, какъ пожать плоды этого посредствомъ умной и ловкой политики. Нѣсколько разъ обстоятельства, видимо, были благопріятны, чтобы передать диктатуру въ руки здѣшняго кабинета. И что же онъ сдѣлалъ для того, чтобы овладѣть ими или извлечь изъ этого выгоды, которыя должны дать нѣкоторые результаты для него самого? Подойдемъ къ самому источнику. Павелъ I, удаляя свою армію изъ коалиціи, далеко не отказываясь отъ роли, которую онъ только что игралъ, получаетъ новую важность вслѣдствіе своихъ переговоровъ съ Франціей. Нейтральность, навязанная Англіей, возникаетъ подъ его вліяніемъ;

но все это рушится отъ удара, которымъ пресѣклись его дни. Битва при Копенгагенѣ выдаетъ Данію, Петербургъ, какъ будто, подвергся такой же катастрофѣ, и здѣсь принимаютъ позу побѣжденныхъ. Едва успѣлъ пріѣхать въ Петербургъ лордъ, какъ былъ уже подписанъ договоръ съ Англіей. Какъ будто врагъ былъ уже у воротъ, и потому не нашли времени выработать новый и возобновили прежній торговый договоръ, всецѣло клонившійся къ выгодѣ Англіи. Не принимаютъ въ расчетъ, что состояніе имперіи теперь измѣнилось, забываютъ, какъ важно для Великобританіи покончить съ разногласіями и затрудненіями, чтобы пріобрѣсти выходы. Не воспользовавшись этими обстоятельствами для отечественной промышленности, не предвидя новыхъ источниковъ, которые открываются для торговаго процвѣтанія этой имперіи, какъ на Черномъ, такъ и на Средиземномъ моряхъ, русскіе не выговариваютъ для себя болѣе выгодныхъ условій, идутъ слѣпо по прежнимъ слѣдамъ и попадаютъ подъ островной деспотизмъ. Эта эпоха ляжетъ вѣчнымъ пятномъ на министерство графа Панина точно такъ же, какъ заговоръ, разразившійся 11 марта, будетъ неизгладимымъ пятномъ на его сердцѣ. Съ этого времени всѣ союзники, всѣ друзья Россіи были одинъ за другимъ оставлены; ручательство, данное Россіей королямъ обѣихъ Сицилій и Сардиніи, превратилось для нихъ въ поводъ тревоги быть оставленными произволу Франціи, которая обошлась бы съ ними покруче.

Я васъ предупредилъ объ этомъ съ самаго начала, и факты вполнѣ согласовались съ выводами, которые я сдѣлалъ. Развѣ мы добились чего-нибудь, кромѣ словъ? А развѣ Австрія свободно и успѣшно не пустила въ ходъ свои интриги и свои несправедливыя притязанія? Я никогда не видѣлъ человѣка столь страннаго, какъ старый канцлеръ [1]), которому императоръ ввѣрилъ руководство внѣшними дѣлами. Набитый всякими предразсудками, спесью, предубѣжденіями, гордый своею мнимою опытностью, онъ сталъ, такъ сказать, неприступенъ. Состарившись въ политическихъ принципахъ прежняго двора, онъ хотѣлъ бы приложить ихъ къ системѣ современной дѣйствительности и дѣлаетъ видъ, что онъ покровительствуетъ реформамъ, изолируетъ свою страну и въ то же время старается шумѣть за границей. Не зная современнаго положенія Европы и не имѣя, слѣдовательно, систематическаго образа дѣйствія, соотвѣтствующаго теперешнимъ обстоятельствамъ, онъ идетъ наудачу и воображаетъ, что онъ поддерживаетъ достоинство имперіи рѣзкими выходками, которыя онъ позволяетъ по отношенію къ иностраннымъ посланникамъ въ своихъ бесѣдахъ.

Графъ Воронцовъ просто смѣшонъ въ своемъ костюмѣ и манерахъ.

---

[1]) Графъ Александръ Романовичъ Воронцовъ, 1805 года.

Если прибавить къ этому плохое усвоеніе новыхъ идей и философіи, перемѣшанное съ доспотическими формами, и долго прятавшееся въ тѣни честолюбіе, то все это составитъ главныя черты вѣрнаго портрета этого министра.

Я говорю: «его самыя сокровенныя желанія». Ибо я спрашивалъ у наблюдателя, наиболѣе безпристрастнаго: нужно ли знать стремленія, поведеніе и образъ дѣйствій теперешнихъ русскихъ министровъ, чтобы угадать намѣренія новаго кабинета? Развѣ не обнаруживаются они во всѣхъ результатахъ, которые у насъ передъ глазами? Развѣ не довольно говорятъ объ этомъ всѣ эти дѣйствія ощупью, эта неувѣренность, эта поддержка, то открытая, то тайная, австрійскихъ проектовъ и плановъ въ дѣлѣ о вознагражденіи и, наконецъ, теперешняя слабость въ минуту столь рѣшительную для европейскаго мира? Вотъ почему, какъ мнѣ кажется, по мѣрѣ того, какъ начинаешь прозрѣвать позицію, занятую петербургскимъ дворомъ, его кредитъ и значеніе, которые его удаленіе уже, впрочемъ, ослабило, начинаютъ терять въ своихъ размѣрахъ. Отсюда рѣшеніе, которое было принято Пруссіей безъ его участія. Такова всегда была участь великой державы: если она увлекалась иностраннымъ вліяніемъ, она перестаетъ съ тѣхъ поръ быть посредникомъ и становится только орудіемъ, какъ было съ Франціей послѣ того, какъ австрійскимъ эмиссарамъ удалось купить придворныхъ Людовика XVI. Развѣ договоръ 1756 года не потерялъ съ этого момента всю свою важность? Развѣ не къ этому источнику надо восходить, чтобы найти причины, ускорившія паденіе монархіи? Нѣтъ, впрочемъ, надобности останавливаться только на указанныхъ мною признакахъ, чтобы найти слѣды приверженности этого кабинета къ Австріи. Уловки вѣнскаго двора, письма императора къ великому князю съ цѣлью привлечь его туда, путешествіе сего послѣдняго, все то, что дѣлалось во время его совмѣстнаго пребыванія съ Разумовскимъ для того, чтобы опутать его окончательно, путешествіе палатина въ Петербургъ, вызванное будто бы соображеніями вѣжливости, возобновившіяся предположенія относительно Турціи—все это средства, которыя пущены въ ходъ Австріей, чтобы привлечь эту державу на свою сторону, и все, что мы видимъ, показываетъ, что Австрія достигла полнаго успѣха. Для подкрѣпленія этихъ наблюденій я приведу еще разговоръ, который я имѣлъ съ великимъ княземъ Константиномъ въ понедѣльникъ на Пасхѣ у Нарышкина, за женой котораго, рожденной княжной Четвертинской, онъ тоже ухаживаетъ. Такъ какъ я познакомился съ великимъ княземъ во время его короткаго пребыванія въ Германіи, на его возвратномъ пути изъ Италіи, то онъ относится ко мнѣ съ большой добротой и иногда вступаетъ со мной въ интимныя бесѣды. Принявъ меня въ этотъ вечеръ, онъ поцѣловалъ меня, промолвивъ по русскому обычаю: «Христосъ воскресе». Потомъ отвелъ меня въ сторону и просилъ: «Кстати, Ольри,

а какъ дѣло о вознагражденіи?» Я отвѣчалъ: «Это дѣло идетъ плохо, ваше высочество, отъ насъ взяли Эйхсштадтъ безъ защиты со стороны вашего августѣйшаго брата, мы рискуемъ оказаться обманутыми, несмотря на справедливость и наше право, и не получить территоріальнаго вознагражденія. Но я позволяю себѣ надѣяться, что мы будемъ обязаны торжествомъ нашего дѣла его добротѣ и отчасти вашей, ибо ваше мнѣніе, судя по довѣрію, которое вамъ оказываетъ императоръ, должно также имѣть значеніе въ этомъ дѣлѣ». Онъ мнѣ отвѣтилъ на это: «Вотъ каковы эти французы»! Я возразилъ: «Прошу ваше высочество извинить меня, но такимъ ловкимъ оборотомъ дѣла мы обязаны происканъ Австріи». Тогда онъ мнѣ сказалъ, что онъ этого не отрицаетъ и что во всякомъ случаѣ онъ обязанъ принимать сторону австрійцевъ. Здѣсь онъ вошелъ въ подробности своего пребыванія въ Вѣнѣ и сообщилъ мнѣ, что, не сдаваясь на назойливое заискиваніе французовъ, онъ испросилъ у своего брата инструкціи и что онъ рѣшилъ не принимать въ Вѣнѣ ни одного иностраннаго посла, но что Шампаньи [1]), узнавъ, что онъ двухъ уже принялъ, также просилъ у него аудіенціи. Не имѣя возможности отказать ему въ этомъ, онъ назначилъ ему день, но такъ какъ въ этотъ день его не было дома, то онъ назначилъ ему свиданіе на другой день, въ 6 часовъ вечера. Шампаньи пріѣхалъ на полчаса раньше, великій князь былъ занятъ еще своимъ туалетомъ и по обыкновенію своему причесывался совершенно голый. Не имѣя возможности принять посла, онъ заставилъ его ждать, какъ вдругъ входитъ одинъ изъ офицеровъ и докладываетъ, что Шампаньи, потерявъ терпѣніе, велѣлъ сказать, что онъ уже второй разъ проситъ доложить его высочеству, что онъ находится въ его пріемной. «Вы увидите,—прибавилъ великій князь,—какъ я обошелся съ этимъ бездѣльникомъ. Я набросилъ только халатъ на голое тѣло и просилъ его войти. Лишь только онъ вступилъ въ мою комнату, я сказалъ ему: «Я принимаю васъ санкюлотомъ. Вините въ этомъ только ваше собственное нетерпѣніе». На это онъ разсыпался въ увѣреніяхъ и довелъ до свѣдѣнія великаго князя о томъ удовольствіи, съ какимъ первый консулъ встрѣтилъ бы его въ Парижѣ или на одномъ изъ смотровъ, которые будутъ этимъ лѣтомъ въ разныхъ мѣстахъ Франціи. На это великій князь отвѣтилъ, что первый консулъ оказываетъ ему черезчуръ большую честь и что онъ пріѣхалъ въ Вѣну только для того, чтобы поблагодарить императора и эрцгерцога Карла. Онъ прибавилъ, что онъ никогда не забудетъ любезнаго и милостиваго и дружественнаго пріема, который ему былъ оказанъ. «По окончаніи визита,—продолжалъ великій князь,—я побѣжалъ къ Разумовскому [2]),

---

[1]) Герцогъ Кадорскій былъ въ то время посланникомъ въ Вѣнѣ, позднѣе министръ иностранныхъ дѣлъ при Наполеонѣ.

[2]) Князь Андрей, русскій посланникъ въ Вѣнѣ.

чтобы разсказать ему объ этой исторіи, и сказалъ: «Теперь ваше дѣло меня выручить, если я сдѣлалъ какой-нибудь промахъ». Но тотъ ему сказалъ, что все это какъ нельзя болѣе кстати, что это лучшій способъ понравиться императору-королю. По поводу этого случая великій князь, продолжая свирѣпствовать противъ французовъ, разсказалъ мнѣ о визитѣ, который ему сдѣлалъ нѣкто Кольберъ, и о формальномъ неоднократномъ предложеніи присутствовать на смотрахъ во Франціи, которое ему дѣлалось со стороны Бонапарта. Онъ не далъ отрицательнаго отвѣта и прибавилъ саркастически насчетъ неловкости Кольбера, который, представившись на выходѣ двора по случаю Пасхи, рѣшился заговорить объ этомъ съ императрицей отъ имени г. и г-жи Бонапарте. Онъ думалъ, очевидно, что послѣдній изъ подпоручиковъ можетъ подражать императору.

Видя его горячность и желая перевести разговоръ на болѣе полезные предметы, я сдѣлалъ видъ, что вхожу въ его виды, и сказалъ ему, что если бы исходъ войны не былъ такъ несчастенъ, то мы не были бы принуждены выслушивать подобныя рѣчи «и если бы послѣ нашей блестящей кампаніи въ Италіи Австрія не сдѣлала все отъ нея зависящее, чтобы отвратить августѣйшаго отца вашего высочества и выдать его армію, какъ это я слышалъ отъ всѣхъ русскихъ, то мы не были въ такомъ положеніи». Но въ этомъ виновны англичане. «Кстати объ Англіи,—сказалъ великій князь:—намъ опять грозитъ война между Франціей и Англіей. Развѣ знаменитая декларація Бонапарта не хочетъ признавать нейтральныя державы? Что же будетъ дѣлать Пруссія?» Я ему отвѣчалъ, что послѣднія предложенія фонъ-деръ-Гольца [1]) стремились, вѣроятно, къ тому, чтобы столковаться съ Россіей и выработать совмѣстную систему для сѣвера, на случай этого разрыва. «Но вы увидите,—возразилъ онъ:—что эта бѣдная Англія будетъ одна, а я никогда не могу допустить, чтобы она была одна въ опасности, и не вмѣшаться, ибо,—повторилъ онъ,—я не скрываю отъ васъ, что я уже сказалъ моему брату, а именно, что, если мы сами когда-нибудь придемъ въ столкновеніе или къ войнѣ съ ними, то я прошу его и надѣюсь, что онъ не заставитъ меня служить противъ этой державы». По одному этому можно судить, до какой степени Австрія овладѣла великимъ княземъ. Ко всему этому я долженъ прибавить, что Пруссія далеко не возбудила къ себѣ подобныхъ же чувствъ, и если отъ путешествія въ Мемель въ этой странѣ остается слѣдъ, то только лично на императора.

Вездѣ я же нахожу только признаки недоброжелательности къ этой державѣ, даже среди тѣмъ, которые находились въ свитѣ Александра и были осыпаны милостями короля и королевы. Рѣшеніе

[1]) Прусскій посланникъ въ Петербургѣ.

Пруссіи относительно Англіи точно также было встрѣчено съ неудовольствіемъ, и въ этомъ увидятъ новое доказательство вѣчныхъ колебаній этой страны.

Другой довольно пикантный разсказъ. Генералъ Эдувилль (Hedouville)[1]) на послѣднемъ совѣщаніи съ канцлеромъ заговорилъ съ нимъ о значительныхъ суммахъ, которыя съ нѣкотораго времени получаетъ англійскій посланникъ по его распоряженію изъ кредитовъ его правительства, и онъ сдѣлалъ видъ, что разсматриваетъ это дѣло, какъ подкупъ со стороны англичанъ. Этотъ намекъ разсердилъ канцлера до такой степени, что, говорятъ, онъ вышелъ изъ себя и сильно намылилъ голову французскому посланнику, сказавъ: «Вы, можетъ быть, думаете, что, обѣщая Китайскую имперію, можно подкупить и самого россійскаго канцлера». Генералъ поспѣшилъ смягчить тонъ и сказалъ ему, что онъ хотѣлъ только обратить вниманіе на это дѣло, которое можетъ его интересовать не менѣе, чѣмъ самого императора. Буря понемногу утихла.

Вотъ длинный очеркъ, мой дорогой кавалеръ, но онъ немало поможетъ вамъ составить себѣ ясное представленіе объ этой странѣ и относительно того, что можно отъ нея ждать.

Весь вашъ Ольри.

С.-Петербургъ,
конецъ февраля 1806 г.

Дополнительный бюллетень.

Всѣмъ бросилось въ глаза, что личныя сношенія между собой государей, кабинетовъ и вліятельныхъ за границей лицъ привело императора по возвращеніи его изъ путешествія въ особое настроеніе, сообщило ему увѣренность и, я бы сказалъ, нѣкотораго рода надменность, которыя не были ему раньше свойственны. Къ несчастью, этимъ новымъ качествамъ недостаетъ большей твердости характера, которая замѣнила бы кратковременное упрямство, для того, чтобы этотъ государь могъ править самъ и поддерживать свои мнѣнія. Никто не сомнѣвался, что въ большинствѣ случаевъ эти качества были бы безконечно полезнѣе и болѣе соотвѣтствовали бы обстоятельствамъ и предписываемой ими умѣренности, чѣмъ тѣ, которыя, благодаря любимцамъ, интригѣ и подкупу, съ ловкостью, свойственной этому двору, одерживаютъ теперь верхъ. Послѣ битвы при Аустерлицѣ мы уже видѣли замѣчательный примѣръ этого. Этотъ монархъ, какъ онъ обрисовалъ въ своей офиціальной кор-

---

[1]) Габріель графъ д'Эдувилль, французскій генералъ (1765—1825).

респонденціи, вынесъ изъ военныхъ неудачъ и рѣзни, которой онъ былъ свидѣтелемъ, явное отвращеніе къ войнѣ и сопутствующимъ ей бѣдствіямъ. Это отчужденіе явно сказывается во всѣхъ тайныхъ непріятныхъ чувствахъ, порожденныхъ оскорбленнымъ самолюбіемъ или явившихся по другимъ причинамъ. Эти первые признаки благопріятствуютъ стремленіямъ къ человѣколюбію и къ прочному и продолжительному миру. Любовь вмѣстѣ съ этими чувствами, повидимому, еще болѣе укрѣпляетъ его въ этихъ мысляхъ. Г-жа Нарышкина, счастливая тѣмъ, что опять овладѣла императоромъ, что такъ льститъ ея тщеславію, только и дѣлаетъ, что повторяетъ ему, что она надѣется удержать его у себя и болѣе не терять. Этой фразой встрѣтила его и императрица-мать.

Съ того времени императрица-мать пошла путемъ, который удивилъ весь дворъ и показалъ зрителямъ, до какой степени желаніе имѣть какое-нибудь вліяніе и честолюбивое стремленіе играть роль заставляютъ ее то и дѣло вдаваться въ крайности. До отъѣзда императора и его молодыхъ совѣтниковъ она окружала себя лицами, выдававшимися своей гордостью и оппозиціонными принципами и имѣвшими по своему возрасту, происхожденію и богатству право на особенное уваженіе въ этой странѣ, въ родѣ Шереметевыхъ, Салтыковыхъ, Куракиныхъ, Румянцевыхъ, Ланскихъ, стараго графа Строганова и нѣкоторыхъ другихъ, среди которыхъ фигурировалъ недавно графъ Головкинъ, котораго министры съ цѣлью удалить отсюда послали въ Китай, и князь Бѣлосельскій, которому она съ нѣкотораго времени оказываетъ честь, принимая его въ своемъ интимномъ обществѣ въ Эрмитажѣ. Всѣ, кто входилъ въ этотъ кружокъ, настолько отличались отъ молодого двора, что, казалось, они нарочно старались выставить въ смѣшномъ виды его буржуазную простоту. Во дворцѣ и въ городѣ рѣчи, принципы, манеры, экипажи, великолѣпіе—все у нихъ было полной противоположностью тому, что окружало императора, у котораго манія не принимать и не носить никакихъ орденовъ, всюду вмѣшиваться въ толпу съ той скромностью, которая есть маска честолюбія и которая, вмѣсто того, чтобы дѣлать его популярнымъ, придавала его поступкамъ характеръ чего-то неприличнаго, бросавшагося всѣмъ въ глаза.

Но, не имѣя силъ повліять своимъ примѣромъ на наклонности своего сына и его ближнихъ, императрица-мать вздумала съ нѣкотораго времени итти къ нимъ навстрѣчу, льстить имъ, привлекать ихъ на свою сторону, открыто высказывая расположеніе въ ихъ сторону, вызванное ихъ недавнимъ образомъ дѣйствій и ихъ политическими убѣжденіями. Вотъ почему она заявила князю Чарторыйскому и Новосильцову, что она убѣждена въ ихъ истинной привязанности къ ея сыну, къ его интересамъ и славѣ въ обстоятельствахъ столь чрезвычайныхъ, что не слѣдовало падать духомъ отъ

препятствій, что настало время, когда Россія должна полагаться на свою собственную энергію, чтобы достичь положенія, соотвѣтствующаго ея достоинству и общественному благу.

Съ этого времени тѣ же самые министры, которыхъ прежде она избѣгала съ очевидною щепетильностью даже при случайныхъ встрѣчахъ съ ними во дворцѣ, стали допускаться на ея вечера и бывали тамъ довольно часто. Этотъ переворотъ далъ поводъ придворнымъ, хорошо ее знающимъ, говорить, что еще не извѣстно, откуда былъ ей данъ хорошій совѣтъ, что такое поведеніе могло быть ей продиктовано только съ намѣреніемъ повредить имъ въ глазахъ императора, которому уже давно надоѣли политическіе происки его матери и ея стремленіе имѣть вліяніе на политическія дѣла и который усвоилъ себѣ привычку поступать наоборотъ во всемъ,—въ государственныхъ и правительственныхъ дѣлахъ и въ политикѣ—во всемъ, гдѣ она старалась проявить свое вліяніе, и въ то же время оказывать ей самую нѣжную сыновнюю привязанность и явное уваженіе къ ея указаніямъ, ко всему, что касается ея благотворительности, къ ея заступничеству, разъ оно не касается политическихъ дѣлъ. Такимъ образомъ императоръ предоставилъ ей всѣ хлопоты по пріему герцога Брауншвейгскаго, который каждый день обѣдаетъ и ужинаетъ у нея. Чтобы сдѣлать этотъ пріемъ еще болѣе милостивымъ, къ ея столу приглашается и графъ фонъ-Гольцъ [1]). Послѣдовательность, съ котораго она пользуется всѣми этими случаями, чтобы проявлять во всякомъ видѣ свою ненависть къ Франціи и отчужденіе и презрѣніе къ ея союзникамъ, носитъ характеръ удивительнаго ожесточенія. Говоря, между прочимъ, объ одной статьѣ «Moniteur», которая укоряетъ императора въ томъ, что въ своемъ эрмитажѣ онъ скопировалъ парижскій музей, она выразилась такъ: «Конечно, мы не имѣемъ такихъ средствъ пріобрѣтать себѣ картины, какъ Бонапартъ. Онъ грабитъ ихъ у сосѣдей и безстыдно воруетъ ихъ, тогда какъ мы покупаемъ ихъ за дорогую цѣну». Я знаю, что она все открытѣе и открытѣе высказываетъ свои враждебныя въ этомъ направленіи чувства. Явный прозелитизмъ по отношенію къ прусскимъ министрамъ—вотъ задача, которую она, повидимому, себѣ поставила.

Если громкія проявленія общественнаго мнѣнія и шаги, о которыхъ я писалъ въ своемъ первомъ бюллетенѣ, могли внушить нѣкоторымъ надежду на возможность перемѣны министерства, то послѣдующія событія далеко не оправдываютъ этихъ расчетовъ, давая въ то же время все болѣе и болѣе причинъ желать ея, какъ въ нашихъ интересахъ, такъ и ради спокойствія Европы. Въ самомъ дѣлѣ, молодые министры прилагаютъ всѣ усилія и развиваютъ невѣроятную дѣятельность, чтобы привлечь императора къ своимъ

[1]) Представитель Пруссіи при русскомъ дворѣ.

идеямъ и если первое время происки и сплетни разныхъ партій вокругъ императора и заставляли ихъ иногда испытывать непріятности и сталкиваться съ «я такъ хочу», то теперь это только проявилось въ одномъ распоряженіи, которое онъ сдѣлалъ безъ ихъ участія и въ силу котораго распредѣленіе наградъ нашло себѣ мѣсто между его адъютантами, гвардейскими и армейскими офицерами. Въ пристрастіи къ министрамъ императоръ зашелъ такъ далеко, что для того, чтобы защитить ихъ самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ всякихъ обвиненій, онъ какъ-то отвѣтилъ лицамъ, старавшимся использовать противъ нихъ непріятныя воспоминанія объ Аустерлицѣ: «Если вамъ нужны виновники, то виновникъ одинъ я, ибо воля моя была во всемъ». Этотъ отвѣтъ зажалъ ротъ всѣмъ, кромѣ Трощинскаго. У него хватило твердости высказать въ кабинетѣ государя мнѣніе, которое онъ заявилъ и въ совѣтѣ и о которомъ я сообщалъ въ моемъ № 17. Оно вызвало слишкомъ сильные разговоры, такъ что я не могу не отмѣтить здѣсь это почтенное, мужественное и патріотическое заявленіе. Императоръ, утомленный постоянной критикой этого министра, разсердился до такой степени, что сказалъ ему по-русски: «молчи», что по-русски выходитъ суровѣе, чѣмъ по-французски. Однако, несмотря на это суровое обращеніе, Трощинскій возразилъ: «Ваше величество, я для того и министръ, чтобы говорить вамъ правду, когда вы дѣлаете мнѣ честь и совѣтуетесь со мною, и я всегда буду ее говорить. Вы, конечно, вольны дѣлать со мною, что признаете въ данный моментъ нужнымъ». Императоръ въ нервномъ раздраженіи бросился на диванъ. Но затѣмъ его доброе сердце взяло верхъ, и онъ отпустилъ Трощинскаго, пожавъ ему руку въ знакъ благодарности.

По мѣрѣ того, какъ г-жа Нарышкина пріобрѣтаетъ вліяніе на императора, молодые министры, которые до сихъ поръ не придавали ей особенной важности и не считали ее достойной своего вниманія, начали ухаживать за нею, стараясь сдѣлать изъ нея новую точку опоры для себя. Орудіемъ для прикрытія этой интриги является теперь князь Четвертинскій, братъ фаворитки великаго князя. Это молодой человѣкъ, преисполненный благородства и не разъ сталкивавшійся какъ со своими сестрами, такъ и съ императоромъ и великимъ княземъ Константиномъ, открыто порицалъ неосмотрительныя выходки съ ихъ стороны, могущія скомпрометировать честь его семьи, причемъ говорилъ объ этомъ въ особенности съ великимъ княземъ Константиномъ крайне несдержанно и неосторожно. На этотъ счетъ передавали такой разсказъ. Великій князь Константинъ въ разговорѣ по этому поводу вспылилъ до того, что сказалъ ему нѣсколько фразъ, съ которыми трудно примириться, съ какой бы высоты онѣ ни исходили. Князь отвѣтилъ, что оскорбленіе отъ этихъ рѣчей падаетъ на него самого, ибо онъ знаетъ, что его ограждаетъ званіе великаго князя Россійской имперіи. Тотъ

поднялъ перчатку въ надеждѣ на то, что уже одинъ видъ, будто онъ принимаетъ вызовъ, заставитъ Четвертинскаго покончить разговоръ, но князь съ раздраженіемъ повторилъ отвѣтъ, когда-то данный принцу Конде: «Ваше высочество, эта честь слишкомъ велика, чтобы я могъ отказаться отъ нея». На другой день великій князь не вспоминалъ больше объ этомъ.

Возвращаюсь къ нити этой интриги, проводникомъ и орудіемъ которой сдѣлался князь Багратіонъ. Четвертинскій былъ прикомандированъ къ этому генералу во время послѣдней кампаніи въ качествѣ офицера его генеральнаго штаба и, понятно, за свои заслуги и поведеніе былъ рекомендованъ благосклонности императора. Въ знакъ благодарности Четвертинскій, съ своей стороны, приглашаетъ своихъ сестеръ, которыя рѣдко кого удостаиваютъ своимъ посѣщеніемъ, на чашку чая къ Багратіону, у котораго въ то время собиралась вся военная молодежь, въ особенности князь Петръ Долгорукій, ставшій болѣе, чѣмъ когда-нибудь, сѣятелемъ всякой вражды, далѣе великій князь, князь Чарторыйскій, Новосильцовъ, Александръ Голицынъ и другіе. Такимъ образомъ завязываются связи, и образуется цѣлая цѣпь знакомствъ, изъ которыхъ стараются создать систему протекціи, съ цѣлью укрѣпить довѣріе государя къ теперешнимъ министрамъ и ихъ власти и оградить ихъ отъ отвѣтственности, овладѣвъ заранѣе всѣми доступами къ власти и сердцу императора. Эти собранія, на которыя для отвода глазъ приглашаются и кое-какія незначительныя личности, тѣмъ болѣе бросаются въ глаза, что они происходятъ въ отсутствіе жены Багратіона и на нихъ бываютъ обѣ сестры, которыя съ нею на ножахъ. Но такого рода пренебреженія къ приличіямъ здѣсь нипочемъ, разъ дѣло идетъ о средствахъ добиться успѣха. Легко понять, какой вѣсъ создаетъ вліянію министровъ довѣріе и вліяніе женщины, которая быстрыми шагами идетъ къ положенію общепризнанной фаворитки и которая при этомъ съ нѣкотораго времени стѣсняется такъ мало, что ее однажды вечеромъ встрѣтили одну въ саняхъ съ императоромъ. Этотъ поворотъ г-жи Нарышкиной налѣво къ этой партіи тѣмъ болѣе бьетъ въ глаза, что она не была ни участницей, ни довѣреннымъ лицомъ въ ея первыхъ происках около императора. Всѣ тѣ, которые давно уже работали въ этомъ направленіи со всѣмъ усердіемъ и честолюбивыми надеждами, въ родѣ Волконскихъ [1]), Толстыхъ [2]), обвиняютъ ее въ неблагодарности.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ интригъ слѣдуетъ замѣтить, что никогда еще князь Чарторыйскій не являлся такимъ открытымъ сторонникомъ и защитникомъ Австріи, какъ въ этотъ послѣдній періодъ времени. Даже при дворѣ замѣтили, какъ тщательно князь Черторый-

---

[1]) Князь Петръ Михайловичъ.
[2]) Графъ Николай Александровичъ.

скій избѣгаетъ встрѣчи съ герцогомъ Брауншвейгскимъ, что не требуется ни его долгомъ, ни положеніемъ дѣлъ. Разсказываютъ что однажды, заставъ герцога за обѣдомъ у императора въ то время, когда онъ былъ увѣренъ, что тотъ приглашенъ къ императрицѣ-матери, онъ незамѣтно скрылся и такимъ образомъ лишился чести обѣдать у государя и долженъ былъ ѣхать въ другое мѣсто (послѣдовали союзы, которые явились для укрѣпленія вліянія его самого и лицъ, ему помогающихъ въ дипломатическомъ корпусѣ, которыхъ я уже описывалъ, какъ корифеевъ войны). Этотъ союзъ, продиктованный общимъ созданіемъ ошибокъ отдѣльныхъ входящихъ въ него лицъ и шаговъ, предпринятыхъ его врагами, становится страшнѣе, чѣмъ когда-либо, благодаря присоединенію къ нему г-жи Нарышкиной. Судя по страстямъ и принципамъ, одушевляющимъ этотъ союзъ, приходится предполагать, что если представится случай, то онъ сдѣлается опаснымъ для мира и нашихъ интересовъ и вреднымъ для тѣхъ надеждъ, которыя Пруссія могла бы со своей стороны видѣть въ искреннемъ и сердечномъ сближеніи съ здѣшнимъ кабинетомъ.

Я знаю, что ненависть къ Пруссіи князини Чарторыйской сыграла не малую роль въ обществѣ, собравшемся въ Пулавахъ, и въ совѣтахъ, клонившихся къ тому, чтобы напасть на Пруссію и силою увлечь ее въ коалицію. Эта женщина сохранила самое непримиримое воспоминаніе о томъ, какъ она стояла на колѣняхъ передъ маркизомъ Луккезини во время послѣднихъ переговоровъ о свободѣ Польши, предшествовавшихъ ея гибели и раздѣлу ея владѣній. Она пошла на это униженіе, чтобы добиться помощи Пруссіи въ пользу избранія ея сына, того самаго, который теперь здѣсь министромъ, и попытаться отклонить эту державу отъ кандидатуры намѣченнаго ею принца Людвига Вюртембергскаго, котораго она предполагала возвести на польскій престолъ. Manet alta mente repostum! Вотъ почему князь Чарторыйскій показалъ себя достойнымъ отпрыскомъ фамиліи, которая давно уже питаетъ къ Пруссіи глубокую вражду, и именно тогда онъ получилъ самую могущественную поддержку. Изъ моего бюллетеня № 1 видно, по какимъ особеннымъ причинамъ присоединился къ этой цѣли оппозиціи Новосильцовъ, противъ которой всѣ усилія и всѣ хитрости Пруссіи, какъ бы онѣ ни были ловки, грозятъ остаться безплодными, и эта партія будетъ держать въ рукахъ императора, каковы бы ни были его личныя впечатлѣнія и мнѣнія. И я повторяю, что понадобится необыкновенное стеченіе обстоятельствъ, чтобы все это перемѣнилось. Наблюдатели могли убѣдиться въ этой истинѣ, даже вопреки самымъ яркимъ выраженіямъ благосклонности и отличіямъ, которыя императоръ оказалъ герцогу Брауншвейгскому. Въ тотъ день, когда его высочество поѣхалъ въ театръ, Нарышкинъ, старшій братъ котораго занимаетъ должность главнаго директора теа-

тра, выбралъ для представленія «Тартюфа». Надо предварительно замѣтить, что такъ именно называли въ придворныхъ кружкахъ этого принца еще до его прибытія австрійскіе ставленники и его недоброжелатели, не знавшіе о цѣли его прибытія и утверждавшіе, что этотъ во всѣхъ отношеніяхъ почтенный принцъ—лжецъ, фарисей и чрезмѣрный льстецъ. Вотъ почему, когда герцогъ произнесъ у императрицы-матери пышную похвалу Россіи, воскликнувъ: «Съ какимъ изумленіемъ увидѣлъ бы Петръ Великій, если бы онъ могъ возстать изъ гроба, теперешнее довольство Россіи, увеличеніе ея благополучій, блескъ его имперіи», императрица дала ему отвѣтъ, двусмысленное значеніе котораго бросается въ глаза: «Да, ваше высочество, но развѣ и съ вашей стороны Фридрихъ Великій не могъ быодинаково подивиться увеличенію его монархіи? Правда, онъ дѣйствовалъ иными средствами, т. е. болѣе экономно, съ меньшими издержками, чѣмъ въ тѣ времена».

Не успѣлъ герцогъ выйти, какъ всѣ придворные подняли крикъ и стали апплодировать тонкой насмѣшливости этого отвѣта, какъ будто бы они боялись, что императрица вложила ее въ свой отвѣтъ неумышленно.

Вернемся къ представленію «Тартюфа». Когда герцогъ появился въ императорской ложѣ, публика, ожидавшая, что вслѣдъ за нимъ войдетъ императорская фамилія, о пріѣздѣ которой ходили слухи, начала апплодировать, но, увидѣвъ только герцога, графа фонъ-деръ-Гольца и прикомандированнаго къ нимъ Нарышкина, стала шикать, стараясь показать, что она ошиблась. Тѣ, кому еще не открылъ глаза этотъ первый моментъ, должны были почувствовать это еще яснѣе по замѣтному подчеркиванію, съ которымъ апплодировали стихамъ, которые въ концѣ пьесы произноситъ полицейскій, обращаясь къ Орегону:

Remettez-vous, monsieur, d'une calarme si chaude.
Nous vivons sous un Prince, ennemi de la fraude,
Un prince dont les yeux se font jour dans les coeurs
Et que ne peur tromper tout l'art des imposteurs.
. . . . . .
Celui ci n'était pur pour le pouvoir surprendre
Et de pieger plus fins ou le voit se defendre [1]).

Выборъ этой пьесы произвелъ тѣмъ большее впечатлѣніе, что намѣчалась другая. Но Нарышкинъ, очевидно, захотѣлъ поступить одновременно геніально и по придворному и продержалъ насъ въ

[1]) Успокойтесь, сударь, отъ жестокой тревоги. Мы живемъ въ царствованіе государя, который врагъ всякихъ обмановъ, котораго глаза проникаютъ въ наши души и котораго не можетъ обмануть никакое искусство обманщиковъ . . . . . Этому подъ силу оказалось обмануть его, и, какъ видно, самыя тонкія плутни не могутъ служить защитой.

театрѣ съ этой комедіей въ пяти актахъ, къ которой присоединилъ еще «Багдадскаго Калифа», до одиннадцати часовъ вечера. Нужно было видѣть перешептываніе, ироническія гримасы сидѣвшихъ въ креслахъ соучастниковъ Нарышкина, чтобы яснѣе понять его намѣренія. Тѣмъ не менѣе на проявленіе самой изысканной предупредительности, поскольку она исходила отъ императора, можно смотрѣть какъ на результатъ одушевляющаго его желанія отблагодарить за всю дружественность, съ которой принимали въ Берлинѣ его и его брата, или дать понять о его болѣе серьезныхъ видахъ. Но что касается окружающей и господствующей вокругъ него партіи, то все это имѣетъ видъ лицемѣрія, замѣтнаго даже неопытному глазу. Новое доказательство этой истины можно найти въ тайныхъ интригахъ, которыя, какъ мнѣ извѣстно, происходили въ этотъ моментъ, чтобы найти средство замѣнить кѣмъ-либо другимъ Алопеуса [1]), почти единственнаго человѣка среди русскихъ пословъ, который имѣетъ репутацію безпартійности и который по своему образу дѣйствій и увѣреннымъ принципамъ, несмотря на обвиненія въ слѣпой преданности прусскому двору и его проектамъ, сумѣлъ заставить оцѣнить себя здѣсь и полюбить въ Берлинѣ. Я не могу съ увѣренностью сказать, что эти интриги будутъ имѣть успѣхъ, но ему, навѣрно, будетъ трудно избѣжать бури, которая ему угрожаетъ.

Я вхожу въ эти подробности потому, что онѣ находятся въ связи съ тысячами другихъ обстоятельствъ, которыя показываютъ мнѣ, что если таковы въ глубинѣ души секретные планы этой партіи относительно Пруссіи, то это можетъ дать намъ понятіе о тѣхъ, которые она питаетъ относительно насъ. Съ другой стороны, эти случаи тѣмъ болѣе заслуживаютъ вниманія, что тѣ же самыя лица относятся съ довѣріемъ къ генералу Мерфельду. Въ особенности я долженъ обратить вниманіе на то, что по этому поводу въ придворныхъ сферахъ обнаружилось довольно рѣдкое явленіе: я имѣю въ виду замѣтную разницу въ поведеніи общества и министровъ. Многія изъ высокопоставленныхъ лицъ не отдали визита австрійскому генералу, который дважды посылалъ къ нимъ свои визитныя карточки, но отъ нихъ не получилъ ни одной. По этому случаю говорили о графѣ Орловѣ. По крайней мѣрѣ мнѣ извѣстно, что онъ въ Новый годъ закрылъ свои двери австрійскому консулу, равно какъ и графъ Шуваловъ. Вообще Мерфельдъ встрѣтилъ въ столицѣ холодный пріемъ. Онъ могъ убѣдиться въ этомъ даже у министра Гурьева и у Волконскихъ, которые не отстаютъ отъ двора. Не жалѣютъ и сарказмовъ. Увидѣвъ его, нѣкто замѣтилъ своему сосѣду: «Поразительно, какъ онъ похожъ на Карла XII. Не находите ли вы, что эта внѣшность ему подходитъ болѣе всего?»

---

[1]) Русскій посланникъ въ Берлинѣ.

Пикантнѣе всего, что эти слова были обращены къ князю Чарторыйскому.

Арестъ генерала Мальтица и генералъ-адъютанта Винцингероде, который слухи ставили въ связь съ послѣдними событіями въ Моравіи и о которомъ я сообщалъ въ прошломъ году въ своемъ бюллетенѣ за № 68, повидимому, превратился въ немилость, вслѣдствіе которой первый удаленъ въ Выборгъ, а второй до сихъ поръ долженъ жить въ имѣніи своей жены въ Польшѣ. Но теперь нѣтъ недостатка въ слухахъ, что эта опала постигла ихъ не столько вслѣдствіе подозрѣнія ихъ въ измѣнѣ въ пользу Австріи, сколько вслѣдствіе выговора, сдѣланнаго имъ императоромъ по поводу упущеній служебнаго характера, обнаружившихся въ нѣсколькихъ бояхъ.

Массовая раздача георгіевскихъ и владимирскихъ крестовъ, которую произвелъ монархъ послѣ кампаніи, актъ, который, какъ я уже говорилъ, онъ исполнилъ своею собственною властью, показался вообще скорѣе милостью гвардіи, чѣмъ заслуженной ею наградой. Вотъ почему я не могу изобразить достаточно сильно то глухое недовольство, которое царитъ въ арміи. Всѣ тѣ, которые съ отличіемъ служили при Екатеринѣ, уходятъ, какъ они выражаются, отъ «капральства» императора и великаго князя, говоря, что они могли видѣть, къ чему привели ихъ всѣ эти мелочи въ родѣ застегнутыхъ пуговицъ, перетянутыхъ талій и автоматическихъ движеній на парадахъ. Все это не то, что образуетъ армію, которую можно было бы выставить противъ непріятеля, въ особенности, когда командованіе ввѣряется людямъ молодымъ и неопытнымъ (намекъ на адъютантовъ императора, которые въ битвѣ подъ Аустерлицемъ скакали въ разныя стороны, развозя противорѣчивыя приказанія, что, конечно, не мало способствовало смѣшенію и безпорядку въ войскахъ въ моментъ схватки). Вотъ почему отставки сдѣлались столь частыми, что за послѣднія шесть недѣль всѣ газеты полны ими. Чтобы облегчить назначеніе новыхъ лицъ, императоръ долженъ быть издать указъ, по которому лица, желающія поступить на службу, должны обращаться непосредственно не къ нему, а къ военному министру, которому даны полномочія предоставлять имъ мѣста.

Среди отрядовъ, которые были отправлены къ мѣсту военныхъ операцій, больше всего пострадали отъ этой системы парадовъ и капральскаго духа войска, составлявшія корпусъ, которымъ командовалъ великій князь. Трудно себѣ представить, какія мученія онъ заставлялъ ихъ терпѣть. (Извѣстно, что этотъ отрядъ составляла гвардія, прекрасный гарнизонъ Петербурга). Онъ требовалъ, чтобы весь путь до Ольмюца въ 1.500 верстъ, который былъ совершенъ усиленными переходами, солдаты, несмотря на трудность пути и неумѣстность украшеній, какъ на парадѣ, шли съ тѣмъ же равненіемъ и въ томъ же порядкѣ, въ какомъ они проходили на смотрахъ

передъ императоромъ. Раздраженные и изнуренные подобными маршами солдаты, подъ тяжестью всего того, что имъ приходилось нести на себѣ, падали мертвыми направо и налѣво. Такимъ образомъ онъ, не желая разстаться съ своей методой, потерялъ при переходѣ до границы почти 2.000 человѣкъ. Съ офицерами обращались не лучше. Передъ отправленіемъ онъ установилъ длину и ширину ихъ чемодановъ, въ которыхъ могли быть только предметы самые необходимые для ихъ одѣянія, размѣры которыхъ были точно установлены. Онъ строго запретилъ брать съ собой экипажи и предметы комфорта. Для наблюденія за точнымъ исполненіемъ этого распоряженія онъ на разсвѣтѣ ходилъ самъ, стараясь обнаружить, не нарушилъ ли кто-нибудь его. Онъ приказалъ сжечь нѣсколько кибитокъ, нагруженныхъ запрещенными вещами, которыя офицеры отправили впередъ, въ надеждѣ, что ихъ удастся скрыть отъ его бдительности. Онъ превратилъ ихъ въ пепелъ со всѣмъ тѣмъ, что въ нихъ находилось. Одинъ офицеръ потерялъ такимъ образомъ всѣ деньги въ ассигнаціяхъ, которыя семья дала ему для облегченія походныхъ расходовъ. Вотъ почему тѣ, кто склоненъ оправдывать его пребываніе въ резервѣ во время битвы подъ Аустерлицемъ, говорятъ, что онъ поступилъ такъ изъ страха быть убитымъ своими же.

Напрасно полиція и почтовое вѣдомство старается слѣдить за всѣмъ тѣмъ, что можетъ бросить лучъ свѣта съ этой стороны. Напрасно задерживали и захватывали почтовую корреспонденцію. Эти строгости заставили публику прилагать еще большія усилія, чтобы добраться до истины и фактовъ. Вотъ почему отвѣтъ князя Долгорукова, о которомъ я говорилъ въ № 30 моихъ бюллетеней, раздобывался съ своего рода неистовствомъ. Почтовые служащіе сдѣлали изъ этой рѣдкости предметъ выгодной спекуляціи. Въ Петербургѣ платили по пяти рублей, чтобы только прочесть въ теченіе нѣсколькихъ минутъ задержанную газету. Я знаю, что въ Москвѣ давали по тридцати рублей, чтобы получить возможность прочесть одинъ изъ этихъ знаменитыхъ бюллетеней, гдѣ говорилось о вѣтрогонахъ и представлялись другія болѣе тяжкія обвиненія, къ которымъ москвичи относились съ особеннымъ одобреніемъ въ надеждѣ, что, быть можетъ, хоть это откроетъ глаза императору.

Изъ моей переписки можно было видѣть, какъ мало осуществилась эта надежда. Въ самомъ дѣлѣ, у насъ на глазахъ событія развернулись совершенно иначе. Съ этого именно времени все было отравлено; шпіонство, въ особенности за мной, было установлено за всѣми, кто не принадлежитъ къ этой партіи, которая крѣпнетъ со дня на день вслѣдствіе всеобщей къ ней ненависти и которая неминуемо произведетъ въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ новый взрывъ въ зависимости отъ того, заставятъ ли обстоятельства посредниковъ отложить его или приблизить. Единственный шансъ, остаю-

щійся друзьямъ этой страны, всецѣло зависитъ отъ политической системы, которую можетъ принять Фоксъ. А пока публичное обсужденіе дѣлъ въ англійскомъ парламентѣ открыло намъ большіе секреты. Восьмая отдѣльная статья присоединена къ союзному трактату, и соглашеніе о финансовой помощи, заключенное между Англіей и Россіей, показало участь, уготованную намъ въ случаѣ, если коалиція будетъ имѣть успѣхъ. Точно также пятая отдѣльная статья того же трактата объясняетъ Пруссіи ту нѣжность, которою до сего времени къ ней проявляли, и всѣ особенныя хлопоты, которыя безъ ея вѣдома были предприняты въ ея пользу въ апрѣлѣ прошлаго года.

Все доказываетъ яснѣе и яснѣе, что враждебность къ Австріи имѣетъ устойчивый характеръ. Я знаю отъ нѣсколькимъ раненыхъ русскихъ офицеровъ, которые только что вернулись сюда изъ Вѣны что графъ Разумовскій [1]), прощаясь съ ними, сказалъ: «До пріятнаго свиданія. Я надѣюсь, что вы, господа, съ вашими войсками скоро вернетесь въ эти окрестности».

Газета Архенгольда, давно уже не появлявшаяся здѣсь, въ началѣ этого года стала выходить снова, и ея январскій нумеръ въ значительной степени обязанъ своимъ распространеніемъ политической статьѣ о новомъ королевствѣ, Баваріи,—статьѣ, которая, по моему мнѣнію, вышла изъ-подъ пера австрійца, потому что въ концѣ концовъ она посвящена извращенію нашихъ политическихъ отношеній и своеобразному доказательству того, что мы становимся одинаково страшными и Пруссіи, и Россіи, что у обѣихъ этихъ державъ для того, чтобы парировать ударъ, есть только одно средство—тѣсный союзъ. Статья говоритъ въ томъ же духѣ и по поводу отношеній между Пруссіей и Россіей и оканчивается слѣдующими любопытными фразами: «При теперешнемъ нарушеніи европейскаго равновѣсія судьбы обѣихъ державъ—Пруссіи и Австріи—неразрывно связаны между собой. Паденіе одной державы неизбѣжно повлечетъ за собой паденіе другой. Горе той, которая падетъ первой. Но втрое ужаснѣй будетъ судьба той, которая подпадетъ послѣдней общей судьбѣ нѣмецкихъ государствъ».

Между прочимъ я освѣдомленъ, что интриги, о которыхъ я говорилъ, съ каждымъ днемъ усиливаются вокругъ великой княгини. Чтобы отговорить ее отъ брака съ нашимъ принцемъ, стараются доказать ей несовмѣстимость всего того, что дѣлается у насъ, съ совершеніемъ этого акта. И сквозь все это не трудно предвидѣть рѣшеніе отказаться отъ этого проекта, который я считаю уже окончательно принятымъ.

Сама царствующая императрица не свободна, повидимому, отъ неудовольствія, которое возбуждаютъ здѣсь нѣмецкіе дворы. По

---

[1]) Графъ, впослѣдствіи князя Андрей Разумовскій, русскій посланникъ въ Вѣнѣ.

крайней мѣрѣ, она никогда не казалась въ такомъ пренебреженіи и уединеніи. Это всѣмъ бросается въ глаза, и, согласуя свое поведеніе съ поведеніемъ окружающихъ императрицъ, она избавляетъ себя отъ непріятности и ненависти, которую всегда открыто проявляла къ Франціи и ея союзникамъ императрица-мать.

Государыня, занимающая тронъ вмѣстѣ съ Александромъ, при дворѣ кажется не всероссійской императрицей, а скорѣе лицомъ, стоящимъ, какъ мы, въ оппозиціи и въ немилости. Если прибавить къ этому духъ, который сквозитъ въ нѣкоторыхъ заявленіяхъ Австріи, рѣчь англійскаго короля при открытіи парламента, въ которой онъ заявилъ, что русскій императоръ вѣренъ принципамъ, которыми руководствуется союзъ этихъ двухъ державъ, если вспомнить, что все это было сказано вслѣдъ за прибытіемъ графа Строганова и посылкой депеши въ Лондонъ съ аустерлицкаго поля сраженія и, слѣдовательно, послѣ всѣхъ событій, которыя могли отмѣчать благопріятную перемѣну, если поразмыслить насчетъ прочнаго положенія и образа дѣйствій генерала Мерфельда, которые я послѣдовательно изложилъ, то можно будетъ судить, дѣйствительно ли мои опасенія имѣютъ основанія и позволялъ ли мой долгъ смягчать ихъ.

Я прибавлю еще одно соображеніе, необходимое для пониманія изложенныхъ въ этомъ бюллетенѣ подробностей—о планахъ, которые до сихъ поръ питали въ петербургскомъ кабинетѣ насчетъ Пруссіи, а именно: эти планы представляютъ полную противоположность съ теперешними заявленіями не столько относительно герцога Брауншвейгскаго, какъ это должно бы быть, сколько по адресу графа фонъ-деръ-Гольца. И эту противоположность, которая появилась особенно съ послѣднихъ чиселъ февраля, еще болѣе подчеркиваетъ замѣтное паденіе въ такой же мѣрѣ престижа соперницы Пруссіи. Съ этого времени общество стало относиться къ графу Мерфельду еще холоднѣе. Донесеніе о битвѣ при Аустерлицѣ, напечатанное въ петербургской газетѣ, которую я послалъ вамъ, должно звучать въ австрійскихъ умахъ не лучше той категорической статьи, которою князь Петръ Долгорукій отвѣчалъ въ 26 нумерѣ «Гамбургской Газеты» на оправданіе, которое тамъ напечаталъ фонъ-Ностицъ по поводу своего поведенія въ дѣлѣ подъ Голлабрунномъ.

Въ общемъ слѣдуетъ замѣтить, какъ то поднимавшееся, то опускавшееся вліяніе обѣихъ этихъ державъ на русскія дѣла измѣнилось со времени свиданія въ Мемелѣ. Кажется, какъ будто это повышеніе и пониженіе сдѣлались предметомъ биржевой спекуляціи, то проигрывающей, то выигрывающей въ ставкѣ на Петербургъ, смотря по тому, какой оборотъ принимаютъ политическія дѣла. Этой буссолью нельзя пренебречь при наблюденіяхъ. Она очень часто помогала мнѣ разбираться въ этой странѣ, гдѣ каждое движеніе

фавора имѣетъ какое-нибудь значеніе, какое-нибудь измѣненіе въ отношеніяхъ текущаго момента, и въ этомъ случаѣ она не была для меня безполезна.

БЮЛЛЕТЕНЬ

дополнительный къ моей политической корреспонденціи.

Рѣдкая эпоха представляетъ зрѣлище болѣе достойное вниманія, чѣмъ то, которое въ настоящее время представляетъ положеженіе этой имперіи. Никогда сознаніе великой монархіи, несмотря на надѣтую маску и горделивую позу, не казалось такъ подавленнымъ упреками и горькими воспоминаніями. Шестьдесятъ дней какъ будто разрушили дѣло цѣлаго вѣка, неопытность и самонадѣянность въ одну рѣшающую минуту затемнили планы нѣсколькихъ славныхъ царствованій, разрушили славные труды Петра и Екатерины и заставили увянуть лавры Меншикова, Миниха, Румянцова, Потемкиныхъ и Суворовыхъ. Престижъ могущества и страха, которымъ Павелъ I ужаснулъ Европу, несмотря даже на свою непослѣдовательность и нелѣпую энергію, теперь отошелъ въ область преданій. Занавѣсь разорвана. Побѣда при Аустерлицѣ, влекущая за собой свои неотразимыя послѣдствія, была пророчески названа удивительнымъ человѣкомъ, сумѣвшимъ ее закрѣпить за собой, «побѣдой Европы», и она дѣйствительно стала такой по своему смыслу. Россія въ настоящее время почти безъ союзниковъ, безъ внѣшняго вліянія, съ нетвердымъ внутреннимъ управленіемъ, лишенная своего протектората, оторванная по своему географическому положенію, которое представляло ея главную силу, предстала передъ глазами изумленной Европы въ обнаженномъ видѣ, словно бездыханный трупъ гиганта, чудовищный ростъ котораго давно ей внушалъ страхъ.

Множество ошибокъ и дѣйствій, чуждыхъ истиннымъ интересамъ Россіи, политика то австрійская, то англійская, вмѣсто того, чтобы быть національной, тронъ, занятый безхарактернымъ молодымъ человѣкомъ, окруженнымъ и руководимымъ фаворитами, съ добрымъ сердцемъ, всегда робкимъ отъ сознанія своей посредственности, не вооруженнымъ ни желѣзнымъ скипетромъ, ни желѣзной головой, одинокимъ среди наиболѣе испорченнаго двора, самаго невѣжественнаго и самаго тщеславнаго,—вотъ, безъ сомнѣнія, причины, которыя повлекли къ столь унизительнымъ послѣдствіямъ, вотъ впечатлѣнія, которыя невольно проглядываютъ на лицахъ, на которыхъ еще недавно сіяли самыя ненавистныя и самыя дерзкія надежды.

Если военныя неудачи и отвращеніе къ войнѣ привели, какъ я уже говорилъ въ своемъ бюллетенѣ за № 2 по поводу событій послѣдней войны, къ многочисленнымъ отставкамъ и подготовили значительное число ихъ къ будущему сентябрю, срокъ, къ которому пріурочены просьбы такого рода, то политическіе результаты молча обнаруживаютъ тѣ же самые признаки упадка духа въ государственномъ управленіи и министерствѣ. Министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Кочубей, министръ финансовъ графъ Васильевъ, министръ юстиціи князь Лопухинъ, московскій генералъ-губернаторъ Беклешовъ, г. Алопеусъ и многіе другіе высокопоставленные люди стараются посредствомъ предстоящей имъ отставки, о чемъ они уже возбудили ходатайство, изъять свое имя изъ современной лѣтописи и избавиться отъ будущаго сотрудничества, которое, по ихъ взгляду, не можетъ не быть безславнымъ. Словомъ, это гигантское государство, лишенное той нравственной силы и силы общественнаго мнѣнія, которыя главнымъ образомъ и создаютъ уваженіе къ государству, дошло до того, что, несмотря ни на какую позицію, которую оно захочетъ или будетъ въ состояніи занять въ будущемъ, оно должно бояться за свои собственные рессурсы, за самые дорогіе свои интересы, послѣ того, какъ оно присутствовало при отложеніи, пораженіи или гибели своихъ союзниковъ и не отомстило за все это.

Не излагая здѣсь еще разъ событій, о которыхъ я уже говорилъ, стоитъ остановиться на одну минуту на прибытіи въ Константинополь Леру. По требованію простого секретаря, посланнаго императоромъ Наполеономъ, диванъ, который со времени французской революціи былъ покоренъ рѣшеніямъ петербургскаго кабинета, теперь ломаетъ съ нимъ копья и сбрасываетъ цѣпи, которыя политика, сила и подкупъ, казалось, одинаково сдѣлали крѣпкими. И то же самое русское министерство, которое ежегодно тратило милліоны, чтобы держать въ своихъ рукахъ сераль, проникать въ его тайны и направлять его дѣйствія, министерство, у котораго на жалованьѣ были всѣ драгоманы, готовые къ его услугамъ, теперь для того, чтобы воспротивиться этой перемѣнѣ, не можетъ сдѣлать ничего, кромѣ безполезныхъ усилій и тщетныхъ протестовъ. Ничто не могло произвести такого огромнаго впечатлѣнія на умы, какъ это важное событіе. Все, что я могъ бы сказать по этому поводу, отставало бы отъ дѣйствительности. Франція, угрожая то своей арміей, то своимъ вліяніемъ на Босфорѣ и на Зундѣ, казалось, заявляетъ Россіи, что скоро она будетъ въ состояніи по своему усмотрѣнію запирать оба выхода для сбыта ея произведеній, этого единственнаго источника ея богатства и торговаго благосостоянія.

Сѣверная Азія, гдѣ одно чувство страха передъ русскимъ оружіемъ одерживало побѣды, гдѣ сосѣдніе, пограничные съ имперіей

народы стали мало-по-малу ея покоренными данниками, повидимому, если не освобождается отъ этого ига, то, по крайней мѣрѣ, становится для Россіи театромъ новыхъ бѣдствій, новыхъ униженій. Двѣ кампаніи противъ Персіи, одна за другой, привели лишь къ тому, что, несмотря на успѣхи, въ которыхъ крылся источникъ будущихъ пораженій и опустошеній, свойственныхъ этому климату, русскіе потеряли двухъ генераловъ и двадцать тысячъ людей. Посольства, торжественно возвѣщенныя и снаряженныя, которымъ было поручено передать императорамъ Японіи и Китая великолѣпные подарки, надъ приготовленіемъ которыхъ столичныя фабрики трудились цѣлый годъ, получаютъ приказаніе вернуться. Ихъ отправляютъ обратно послѣ того, какъ русское правительство напечатало для свѣдѣнія Европы пышные отчеты о блестящемъ пріемѣ и благосклонности, съ которой были приняты его послы. Къ этимъ послѣднимъ событіямъ будетъ небезынтересно прибавить событія, которыя помогаютъ уяснить себѣ важность всего происшедшаго. Россія предприняла эту войну съ Персіей не столько для того, чтобы отомстить персамъ за ихъ набѣги на Грузію, сколько съ цѣлью закончить завоеваніе этой провинціи и присоединить къ владѣніямъ имперіи все, что находится между Чернымъ и Каспійскимъ морями.

Главная цѣль этой войны заключалась, безъ сомнѣнія, въ томъ, чтобы овладѣть Баку, лучшимъ портомъ въ южной части Каспійскаго моря, расположеннымъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ плаваніе становится безопаснымъ, гдѣ противъ Барферуша находится наиболѣе удобный проходъ во внутреннюю Азію, который могъ бы открыть дорогу и въ Индію. Форстеръ, сдѣлавшій путешествіе отъ Бенгаліи до Петербурга, назвалъ въ своемъ сочиненіи эту дорогу весьма удобной. Въ этомъ и могла заключаться тайная причина войны, о чемъ, однако, знаетъ Англія, которой не нужно угадывать ее. Но, кромѣ этой, какъ я укажу далѣе, неудачѣ русскаго посольства въ Китаѣ могла содѣйствовать и еще одна причина, рядомъ съ нѣкоторыми другими, менѣе важными обстоятельствами.

Впрочемъ, смерть подъ стѣнами Баку князя Циціанова, о которомъ я писалъ въ моемъ бюллетенѣ за № 27, послужила большей радостью для русской арміи, чѣмъ для персовъ. Грузинъ родомъ, князь Циціановъ сохранилъ въ своемъ характерѣ вспыльчивость и азіатскій деспотизмъ, который дѣлалъ изъ него не вождя, а тирана его арміи. Я зналъ нѣсколькихъ генераловъ, служившихъ подъ его начальствомъ: князя Волконскаго, Талызина, князя Вяземскаго, и всѣ трое должны были просить о переводѣ вслѣдствіе дерзостей, униженій и насилій, которымъ они подвергались, и, въ свою очередь, дать отставку начальникамъ частей, бывшихъ подъ ихъ командой. Такимъ образомъ я мало-по-малу узнаю, что лица, которыя, какъ мы видѣли, обивали въ Петербургѣ пороги перед-

нихъ, эти самыя лица, получивъ власть, вдали отъ него, проявляютъ такое самовластіе, требуютъ такого почитанія себя и такихъ проявленій почестей, коихъ даже не воздаютъ императору въ столицѣ. Счастье, если эти злоупотребленія не выходятъ изъ сферы, окружающей самого сатрапа. Но обыкновенно онъ безъ всякой человѣчности давитъ силою своей власти на народъ. Здѣсь онъ считаетъ, что ему все позволено, ибо онъ владѣетъ всѣми доступами къ власти, является и судьей, и стороной. Замѣчаніе, всегда оправдывающееся въ этой странѣ: чѣмъ добрѣе, человѣчнѣе, снисходительнѣе монархъ, тѣмъ жесточе угнетаютъ народъ его ставленники, не боящіеся воздѣйствія на нихъ верховной власти. Потери русскихъ были чувствительны не вслѣдствіе смерти этого князя. Чтобы оцѣнить событія, мною изложенныя, надо остановиться на причинахъ, приведшихъ ихъ къ пораженіямъ и несчастіямъ въ этой странѣ.

Свѣдѣнія самыя вѣрныя, которыя я получилъ отъ служившихъ тамъ офицеровъ, доказываютъ мнѣ, что въ Персіи можно было одержать побѣду, не подвергая себя потерямъ, но что тамъ почти всегда боролись безъ особенной славы. Способъ, которымъ эти варвары ведутъ войну, есть скорѣе способъ флибустьеровъ, способъ междоусобной войны, чѣмъ обычной войны одной державы противъ другой. Ихъ армія, напоминающая на половину европейскія войска, на половину армію кочевниковъ, пользуется своимъ прекраснымъ знакомствомъ съ горами, укромными мѣстами, дорогами, ущельями и бродами. Со всѣхъ сторонъ персы бросаются назадъ и впередъ, нападая на фланги арміи, и потомъ обращаются въ бѣгство. Сопротивленіе они оказываютъ только въ засадѣ. Здѣсь храбрость и тактика, конечно, очень часто одерживаютъ верхъ, но всегда съ потерями. Такимъ образомъ они всегда тревожатъ армію, не даютъ ей отдохнуть. Наступаютъ сильные жары, и армія, даже при побѣдоносномъ наступленіи, истощается. Недостатокъ съѣстныхъ припасовъ, невыносимый климатъ, вызывающій болѣзни, довершаютъ ея ослабленіе. Начинается отступленіе. Въ этотъ моментъ превосходство переходитъ на сторону варваровъ: они внезапно нападаютъ на отряды и вырѣзаютъ ихъ, постоянно предпринимаютъ внезапныя атаки, убиваютъ отставшихъ и больныхъ. Остатки арміи съ трудомъ наконецъ достигаютъ какого-нибудь мѣста или какой-нибудь позиціи въ Грузіи. Здѣсь слухи о пораженіи и надежда стряхнуть съ себя иго вооружили уже новыхъ враговъ, которыхъ приходится укрощать. Кампанія кончена. Вотъ вѣрная исторія двухъ лѣтъ войны въ этой части Азіи.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Англія, всегда внимательная къ тому, чтобы запереть даже самые отдаленные подступы къ Индіи всякой европейской державѣ, а особенно Россіи, планы которой она уничтожаетъ съ особымъ усердіемъ и ловкостью, не мало со-

дѣйствовала возбужденію этихъ народовъ при помощи своихъ индійскихъ эмиссаровъ и своихъ связей съ шейхами и афганцами, которые имѣютъ болѣе или менѣе тѣсное соприкосновеніе съ теперешней Персіей. Все это дѣлалось для того, чтобы побѣды Россіи не привели ее въ соприкосновеніе съ Индіей, которая могла бы въ будущемъ открыть ей заманчивыя перспективы и раскрыть ей глаза на блестящія возможности, которыя Англіи важно скрыть отъ этой державы. При помощи старыхъ укоренившихся предразсудковъ, своихъ капиталовъ и золота, предназначеннаго для подкупа нѣкоторыхъ нужныхъ лицъ, Англія держитъ эту державу въ опекѣ, возмутительной даже для посторонняго зрителя. Ничто не доказываетъ такъ узость мысли и близорукость, съ которыми управляется эта имперія, гдѣ торговля, военный флотъ, благотворительныя учрежденія, министерство народнаго просвѣщенія, академіи, фабрики—являются уже съ давнихъ поръ предметомъ роскоши и политическаго обезьянства. Все это можетъ производить впечатлѣніе издали, но не въ состояніи ввести въ обманъ тѣхъ, кто изучалъ нравы, администрацію, характеръ ея управленія, географію и рабство народовъ Россіи. Варварство еще долго будетъ просвѣчивать сквозь лоскъ цивилизаціи, блестящая внѣшность которой можетъ обмануть прохожаго, подобно блуждающимъ огнямъ, которые увлекаютъ путешественника въ неизвѣстную страну. Но этотъ лоскъ скорѣе вреденъ, чѣмъ полезенъ для монархіи, онъ гложетъ и тайно разъѣдаетъ ее, мѣшаетъ незамѣтному и методическому воздѣйствію природы и благодѣтельному вліянію свѣта, который движетъ соки во всѣхъ ея частяхъ и угрожаетъ сразу перевести ее изъ ранняго дѣтства въ дѣтство старости, не давая ей пройти черезъ блестящій промежуточный періодъ юности и зрѣлаго возраста.

Я могу слегка только затронуть здѣсь этотъ вопросъ, не разбирая его, какъ онъ того заслуживаетъ. Это составило бы тему для цѣлаго мемуара. Возвращаюсь къ англійскимъ происканъ, поскольку они имѣютъ отношеніе къ крушенію русскихъ плановъ насчетъ Китая и Японіи.

Достаточно, конечно, того, что посольства въ Китай и Японію были затѣяны министерствомъ торговли и преслѣдовали цѣль явно коммерческую. Это заставило Англію, дѣла которой процвѣтаютъ въ Китаѣ день ото дня, оказать противодѣйствіе видамъ Россіи и, насколько возможно, оградить себя отъ ея конкуренціи и ея участія въ богатыхъ барышахъ, которые она извлекаетъ изъ этой части свѣта и которыми она лишь съ сожалѣніемъ дѣлится съ Америкой, устранивъ оттуда большею частью Голландію. Тѣмъ же способомъ она дѣйствуетъ и противъ русскихъ учрежденій на сѣверо-восточномъ берегу Америки по ту сторону Камчатки, надъ уничтоженіемъ которыхъ она работаетъ неустанно. Американскій консулъ и лица, посылаемыя въ эти мѣста русскимъ правительствомъ, не скрывали

отъ меня этой истины, не смѣя въ то же время сообщить ее правительству. Даже туземцы боятся усиленія англійскаго вліянія въ ихъ странѣ и тѣхъ средствъ, которыми она будетъ вредить всѣмъ, кто покажетъ себя ея врагами. Эти самыя лица думаютъ, что англичане, къ которымъ Китай, говорятъ, обнаруживаетъ гораздо большую благосклонность изъ тѣхъ же цѣлей, коварно раскрыли ему тайныя намѣренія, въ которыхъ подозрѣвали русское посольство. Этотъ фактъ, а также затрудненія, созданныя графомъ Головкинымъ и инцидентъ съ Резановымъ, о которомъ я скажу ниже, безъ сомнѣнія, и вызвали эти неудачи. Каковы бы ни были причины, но нѣтъ человѣка менѣе пригоднаго для поста, на которомъ надо было приспособляться къ чужимъ обычаямъ, нравамъ и привычкамъ, чѣмъ этотъ графъ Головкинъ. Это—лживый и тонкій придворный и въ то же время наглый, надменный и нетерпимый, какъ скоро онъ можетъ управлять и повелѣвать чѣмъ-нибудь. Въ этомъ отношеніи его характеръ былъ настолько извѣстенъ, что всѣ молодые люди, его родственники и нѣкоторыя другія лица, поторопившіеся пристроиться къ этому посольству, узнавъ о неограниченныхъ полномочіяхъ, данныхъ императоромъ послу, хотѣли отказаться отъ мѣста, но было уже поздно. По дорогѣ у него возникали безчисленныя столкновенія какъ съ лицами его свиты, такъ и съ мѣстными губернаторами. Дѣло дошло до того, что въ Иркутскѣ смѣнили сибирскаго губернатора, о которомъ онъ отправилъ въ министерство самый неблагопріятный отзывъ. Нѣсколько ученыхъ, въ родѣ астронома Шуберта, присоединившись къ этому дипломатическому каравану въ надеждѣ на открытія и по своему рвенію къ наукѣ, разстались съ нимъ въ дорогѣ. Но не все ли имъ равно? Я уже сказалъ, что это порученіе было возложено на Головкина только для того, чтобы удалить его изъ Петербурга, въ увѣренности, что онъ самъ сломаетъ себѣ шею. Вотъ почему слѣдуетъ прислушиваться къ тому, что говорятъ о его надменности, его невѣжливымъ отказамъ, о его характерѣ и о постигшемъ его паденіи, которое онъ приписываетъ отсутствію инструкцій и глупости министра торговли, мѣста котораго, какъ я знаю, онъ уже нѣсколько лѣтъ добивается. Вотъ вамъ образчикъ патріотизма въ этой странѣ.

Я долженъ, однако, прибавить къ этимъ свѣдѣніямъ, что поведеніе г. Резанова должно быть въ особенности благопріятно тайнымъ и давнимъ происканъ Англіи. Этотъ посланникъ, уѣхавъ, какъ я уже сообщилъ въ своихъ письмахъ, изъ Японіи и сдѣлавъ экскурсію на Алеутскіе острова, направился моремъ въ Кантонъ, не предвидя тѣмъ случайностей, вслѣдствіе которыхъ прибытіе русскаго посольства въ Китай замедлилось на два мѣсяца, и, не догадываясь, что неожиданное его появленіе можетъ быть истолковано въ другую сторону и разсчитывая найти все въ лучшемъ видѣ, онъ вошелъ въ этотъ китайскій портъ на одномъ изъ вооруженныхъ судовъ экспе-

диціи Крузенштерна. О неожиданномъ появленіи иностраннаго фрегата было немедленно доложено китайскому императору. Послѣ непріятностей, которыя онъ имѣлъ съ графомъ Головкинымъ на границѣ, императоръ усмотрѣлъ въ этомъ враждебный насильственный актъ и приказалъ захватить корабль, его экипажъ и г. Резанова и въ то же время отправилъ приказъ остановить и отослать обратно посольство, направлявшееся въ это время въ Пекинъ, до котораго оно такъ и не добралось.

Послѣ прибытія прикомандированнаго къ этому посольству молодого Гурьева, который пріѣхалъ сюда курьеромъ, распустили слухи, что послѣ дружественныхъ разъясненій относительно всего происшедшаго, данныхъ китайскому императору Головкинымъ въ то время, когда онъ возвращался на русскую границу, затрудненія были сглажены, и Резановъ отпущенъ на свободу. Чтобы дать еще болѣе явное удовлетвореніе императору Александру, мандарину, на котораго былъ возложенъ пріемъ и представленіе русскаго посольства, отрубили голову. Я еще не знаю, въ какой степени заслуживаетъ довѣрія это извѣстіе, распространенное агентами правительства, но оно находится въ противорѣчіи со всѣми секретными и спеціальными свѣдѣніями.

Необдуманный образъ дѣйствій г. Резанова, безъ сомнѣнія, носитъ характеръ неопытности и грубаго незнанія, но мы уже привыкли видѣть, что здѣсь даютъ и мѣста и отличія такимъ взбалмошнымъ людямъ, которые ни о чемъ не догадываются и воображаютъ, что они могутъ исполнять самыя важныя должности только по тому одному, что они на нихъ назначены. Они подбираютъ для себя обыкновенно всякія ничтожества и вслѣдствіе своей неспособности дѣлаются ихъ данниками и рабами. А эти люди, ищущіе обогащенія и большую часть жизни проведшіе въ бѣдности, устраиваютъ аукціонъ, смотря по важности дѣлъ, подвѣдомственныхъ имъ начальникамъ. Черезъ нихъ лучше всего можно проникнуть въ разные секреты и подробности. Но для этого нужны деньги. Такими дѣльцами, къ которымъ сходятся всѣ дѣла, являются въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ нѣкій Сперанскій, у товарища министра этого министерства графа Строганова—нѣкій Кутайсовъ, у Новосильцова—Дружининъ. Изъ этого порядка исключеній мало. Это—по отношенію къ внутреннему управленію. Если же прибавить сюда за границей Разумовскихъ и Воронцовыхъ, то нечего удивляться отсталости этой имперіи. Насчетъ подкупа этихъ двухъ русскихъ пословъ въ Лондонѣ и въ Вѣнѣ—я здѣсь даже открылъ недвусмысленныя доказательства. Оберъ, бывшій директоромъ канцеляріи департамента иностранныхъ дѣлъ со времени Екатерины II при разныхъ министрахъ—графѣ Панинѣ, Безбородко, Ростопчинѣ, Александрѣ Куракинѣ, человѣкъ, выдвинувшійся своей просвѣщенностью, систематичностью и политическими познаніями,

разсказывалъ мнѣ, что Воронцовъ всякій разъ, какъ министерство давало понять, что оно не согласно съ тѣмъ,что онъ требовалъ въ пользу британскаго правительства, писалъ въ министерство столь рѣзкія донесенія, что однажды графъ Панинъ, свидѣтельство котораго нельзя подозрѣвать, положилъ Оберу (Aubert) на столъ выдержку изъ одного такого донесенія и спросилъ его, что онъ объ этомъ думаетъ. Прочитавъ бумагу, Оберъ сказалъ: «Я нахожу, что сентъ-джемскій кабинетъ ужъ слишкомъ не стѣсняется въ своемъ образѣ дѣйствій и принимаетъ такой тонъ, какъ будто онъ приказываетъ, а не проситъ насъ».—«Но все, что я вамъ далъ прочесть, идетъ отъ Воронцова», отвѣчалъ графъ Панинъ. Тотъ же самый Оберъ сообщилъ мнѣ по секрету, что онъ вышелъ изъ послѣдняго министерства Куракина, гдѣ онъ дѣлалъ всѣ дѣла, только потому, что назначеніе старика Воронцова канцлеромъ показало ему, что не на что больше разсчитывать и что Россія болѣе, чѣмъ когда-либо, будетъ игрушкой Англіи. Подтвержденіемъ этого послужила недавно непріятность, которой онъ подвергся во время постыднаго возобновленія торговаго договора съ Англіей. Замѣчанія на этотъ договоръ, которыхъ отъ него требовали и въ которыхъ онъ высказался противъ возобновленія трактата и привелъ цѣлый рядъ соображеній, ужаснувшихъ англійскую партію, навлекли на него ея ненависть. Чтобы показать, что ее не считаютъ даже нужнымъ скрывать, его лишили подарка, который полагался ему по должности послѣ заключенія трактата. Если присоединить все это къ тому, что я уже говорилъ въ моихъ предшествовавшихъ бюллетеняхъ, и прибавить сюда еще достовѣрный фактъ, что англійскіе послы часто прибѣгали къ сверхсмѣтнымъ кредитамъ и въ одинъ годъ расходовали до милліона фунтовъ стерлинговъ, то можно будетъ видѣть, до какой степени пустили корни въ Петербургѣ власть и подкупъ со стороны сентъ-джемскаго кабинета и сколькими средствами онъ здѣсь располагаетъ.

Доказательство подкупа Разумовскаго еще болѣе существенно. Бывшій цензоръ, а нынѣ директоръ одной изъ только что открывшихся казенныхъ гимназій, статскій совѣтникъ Энгельбахъ увѣрялъ меня, что послѣ смерти бывшаго посла въ Парижѣ Колычева ему было поручено семьею покойнаго пересмотрѣть и привести въ порядокъ его бумаги. Среди другихъ замѣчательныхъ вещей онъ нашелъ точный счетъ, написанный и присланный д'Антрегомъ, тѣмъ суммамъ, которыя были въ разное время даны Разумовскому вѣнскимъ дворомъ или же уплачены за него. Общій итогъ этого счета доходилъ до шести милліоновъ флориновъ.

...Не знаю, представили ли императору эту картину ненадежности его посла, но отъ того же Обера я знаю, что въ началѣ царствованія, во время министерства князя Куракина, ему часто приходилось имѣть въ рукахъ депеши Разумовскаго, на которыхъ въ томъ мѣ-

стѣ, гдѣ посолъ выражалъ завѣреніе въ своемъ усердіи и вѣрности, императоръ иронически писалъ карандашомъ саркастическія замѣчанія, доказывавшія, какъ мало онъ ему вѣрилъ. Было бы непонятно, какъ въ виду такого мнѣнія о немъ императора посолъ-взяточникъ могъ такъ долго оставаться на своемъ посту, если бы онъ не пользовался особымъ покровительствомъ князя Чарторыйскаго. Зато никто не удивится этому покровительству, если узнаетъ, что одно очень ловкое лицо, прикомандированное къ департаменту иностранныхъ дѣлъ, пробывъ нѣкоторое время въ Вѣнѣ, потомъ по возвращеніи своемъ передавало князю о мемуарахъ, которые явились плодомъ его наблюденій надъ дѣйствіями, средствами и планами этой монархіи. Но тотъ даже виду не показалъ, что слушаетъ его, и не обнаружилъ никакого желанія познакомиться съ этими мемуарами. Тогда тотъ замолчалъ и спряталъ свои мемуары въ портфель. Между тѣмъ событія оказались сильнѣе покровительства, оказываемаго графу Разумовскому, и теперь уже извѣстно, какъ я писалъ, что по данному ему приказанію онъ прислалъ 11-го (23-го) апрѣля прошеніе объ отставкѣ и только обстоятельства задержали до сего времени отъѣздъ его преемника. Князь Александръ Куракинъ человѣкъ честный и умѣренный, всегда всецѣло преданный своимъ государямъ. Онъ не обладаетъ блестящими способностями, но соединяетъ съ здравымъ смысломъ и безпристрастіемъ умѣнье выслушать хорошій совѣтъ. Его единственной страстью является чванство, а слабостями—проистекающіе отсюда наклонности и вкусы. Я полагаю, что мы одобримъ этотъ выборъ. Я всегда старался поддерживать съ нимъ добрыя сношенія, даже при моемъ теперешнемъ удаленіи отъ міра, и если у насъ продолжаютъ питать интересъ къ этому дѣлу, то нашему посланнику въ Вѣнѣ надо поддерживать эти связи при помощи знаковъ отличія, къ отмѣткамъ котораго князь очень чувствителенъ, и которыя ничего не стоитъ приправить такимъ образомъ, чтобы удовлетворить его самолюбіе. Нѣкоторые полагаютъ, что его миссія въ Вѣнѣ есть только этапъ къ посольству въ Парижѣ, если отношенія между Россіей и Франціей, вмѣсто того, чтобы испортиться, снова наконецъ наладятся.

Если поразмыслить о щедрости русскаго правительства относительно Стадіона, то невольно начинаешь думать, что здѣсь намѣревались отплатить такимъ же подкупомъ, какъ и подкупъ со стороны вѣнскаго двора. Кромѣ великолѣпныхъ подарковъ, которые были даны ему и его женѣ, императоръ купилъ все, что еще оставалось: картины, вины, запасы, и все это по самымъ высокимъ цѣнамъ. Вспомнимъ, что тѣ же самые пріемы были пущены въ ходъ нѣсколько времени назадъ по отношенію къ графу Гольцу. Было извѣстно, что онъ имѣетъ долги и испытываетъ денежныя затрудненія. Ему сдѣлали весьма благовидныя предложенія и при томъ въ самой де-

ликатной формѣ, но онъ остался глухъ къ нимъ, и его честность отвергла всѣ предложенія, которыя ему были сдѣланы даже черезъ посредство князя Чарторыйскаго.

Не будетъ, конечно, неумѣстнымъ сказать здѣсь нѣсколько словъ о назначеніи маркиза де-ла-Мезонфора на небывалое до сихъ поръ мѣсто—повѣреннаго въ дѣлахъ русскаго двора при герцогѣ Брауншвейгскомъ. Тайная цѣль этой миссіи, если только обстоятельства ей позволятъ осуществиться, насколько я знаю по слухамъ, состоитъ въ томъ, чтобы установить контроль за русской миссіей въ Берлинѣ, въ особенности если предположить, что г. Алопеусъ могъ бы еще остаться тамъ, а на сѣверѣ Германіи, гдѣ вліяніе Франціи растетъ съ такой быстротой, имѣть какого-нибудь корреспондента, способнаго слѣдить за движеніями различныхъ дворовъ, заключенныхъ въ этотъ кругъ, а также, пользуясь своими французскими связями, и за внутренней жизнью Франціи, поддерживая тамъ политическія движенія, которыя все еще являются мечтою нѣкоторыхъ головъ, и химерическія надежды, которыми они себя убаюкиваютъ.

Де-ла-Мезонфоръ постарался увѣрить всѣхъ, что онъ былъ близкимъ другомъ герцога Брауншвейгскаго во время своего многолѣтняго пребыванія въ его столицѣ, и далъ такимъ образомъ понять императорскому послу, что на будущее время онъ можетъ вліять на рѣшенія берлинскаго кабинета черезъ герцога, мнѣнія котораго пользуются большимъ вѣсомъ въ Пруссіи, даже у самого короля; что послѣ всего того, что было здѣсь во время его пребыванія, этого достигнуть не такъ уже трудно и что во всякомъ случаѣ это дастъ точку опоры для противодѣйствія французскому вліянію въ Берлинѣ и подготовитъ для петербургскаго кабинета обстоятельства, при помощи которыхъ впослѣдствіи можно будетъ придать больше силы новымъ конъюнктурамъ. Уже во время пребыванія здѣсь герцога разсчитывали использовать болѣе производительно Мезонфора. Графъ фонъ-деръ-Гольцъ самъ увѣдомилъ объ этомъ свой дворъ и предупредилъ объ этомъ герцога. Онъ догадался объ этомъ по той торопливости, съ которой Мезонфоръ являлся къ нему каждый день справиться о днѣ его пріѣзда для того, чтобы, по его словамъ, выѣхать навстрѣчу своему покровителю и другу и дать его высочеству доказательство своей привязанности и признательности. Князь Долгорукій, съ которымъ онъ состоитъ въ тѣсной дружбѣ, отправился навстрѣчу герцогу именно отъ него. Отъ него же онъ получилъ указанія относительно того, какъ слѣдуетъ держать себя съ его высочествомъ.

По тѣмъ подробностямъ, которыя я сообщилъ о русскихъ послахъ за границей, легко будетъ усмотрѣть, что внутри имперіи найдется еще болѣе доказательствъ, до какой степени добрый Александръ позволяетъ увлекать себя даже противъ своего убѣжденія

Этотъ государь въ общемъ отличается такою слабостью, вслѣдствіе которой гороскопъ его царствованія, несмотря на его хорошія буржуазныя качества, выходитъ не очень внушающимъ почтеніе и, можетъ быть, даже гибельнымъ для него. Послѣ трехъ лѣтъ царствованія всѣ его осуждаютъ; его дворъ, его армія и даже большая часть тѣхъ неблагодарныхъ людей, которые его окружаютъ, начинаютъ говорить о немъ между собою съ величайшимъ презрѣніемъ. Я самъ слышалъ, какъ между генералами и гвардейскими офицерами о немъ отзывались какъ о д . . . . . и . . . . . Распознавъ его, придворные до такой степени злоупотребляютъ его добротой, что, когда имъ захочется получить ленту или какую-нибудь милость, они начинаютъ на него сердиться и такимъ образомъ достигаютъ своей цѣли. Изъ множества анекдотовъ на этотъ счетъ я разскажу только случай со смоленскимъ губернаторомъ и генералъ-инспекторомъ находящихся въ этой губерніи войскъ, княземъ Борисомъ Голицынымъ. По-моему, этотъ случай наиболѣе изумителенъ и характеренъ. Когда князь Голицынъ пріѣхалъ въ Петербургъ, императоръ былъ недоволенъ имъ и, вопреки обычаю, установленному относительно губернаторовъ такого ранга, не пригласилъ его къ своему столу. Обиженный этой холодностью, князь, несмотря на это, явился въ обѣденный часъ въ гостиную, гдѣ обыкновенно собирались приглашенные къ обѣду. Прежде, чѣмъ выйти изъ своего кабинета къ столу, императоръ обыкновенно справлялся о тѣхъ, кто находился въ столовой. Оберъ-гофмейстеръ назвалъ между присутствующими и князя Голицына. Раздраженный императоръ послалъ спросить князя, какія у него дѣла во дворцѣ. Тотъ отвѣчалъ графу Толстому, что по праву, которое ему даетъ установленный этикетъ, онъ пріѣхалъ для того, чтобы обѣдать съ его величествомъ, въ полной увѣренности, что его не пригласили только по забывчивости. Императоръ, оскорбленный такимъ нахальствомъ, приказалъ оберъ-гофмаршалу удалить его и сказать, чтобы онъ сейчасъ же уѣзжалъ. Но этотъ трусливый придворный, опасаясь стать орудіемъ быстро проходящаго гнѣва монарха и оскорбить вліятельную семью, проситъ удалить его отъ исполненія этого приказанія и приводитъ ему вышеизложенныя причины.

— Въ такомъ случаѣ,—гнѣвно сказалъ императоръ,—позовите ко мнѣ военнаго губернатора. Можетъ быть, у него хватитъ характера исполнить мое приказаніе.

Является военный губернаторъ. Тѣ же возраженія, чтобы отклонить императора отъ этого рѣшенія, которое онъ считаетъ слишкомъ оскорбительнымъ. Императоръ незамѣтно стихаетъ и садится за столъ. Князь Голицынъ тоже садится, какъ ни въ чемъ не бывало, и добродушный монархъ приходитъ къ убѣжденію, что онъ уже достаточно отомстилъ ему тѣмъ, что не сказалъ съ нимъ

ни слова и пустилъ противъ него нѣсколько саркастическихъ замѣчаній среди тѣхъ, кто сидѣлъ рядомъ съ этимъ безстыднымъ гостемъ. Послѣ обѣда князь Голицынъ, не говоря ни слова, уѣхалъ, а черезъ три дня совершенно спокойно отправился въ свою губернію. Никогда еще ни въ одной тайной исторіи какого-нибудь двора не разсказывалось о поступкѣ столь дерзкомъ, подрывающемъ почтеніе, уваженіе и повиновеніе своему монарху, которой едва ли можно было повѣрить послѣ предшествующаго царствованія и при томъ при дворѣ наслѣдника деспотическихъ русскихъ самодержцевъ. Вотъ почему можно видѣть, какъ ослабѣваютъ одна за другою всѣ пружины, всѣ устои въ этой монархіи. Все расшатано, даже военная дисциплина, которую императоръ скорѣе видитъ въ костюмѣ, въ какой-нибудь пуговицѣ, въ выпушкѣ, чѣмъ въ слѣпомъ и строгомъ повиновеніи, безъ которой не можетъ быть вооруженной силы. Когда одинъ офицеръ, по фамиліи Шоласъ, недавно принятый на службу, впервые являлся во дворецъ для представленія императору въ формѣ своего полка, императоръ, замѣтивъ, что воротникъ у него былъ не того цвѣта, приказалъ въ присутствіи двора арестовать его, отнялъ у него при всѣхъ шпагу и приказалъ отправить его на гауптвахту. Сконфуженный и испуганный такой суровостью, этотъ несчастный готовъ былъ съ отчаянія покончить съ собой. Конногвардейскій офицеръ Ланской, любимый адъютантъ великаго князя Константина, обязанъ своей немилостью, вслѣдствіе которой онъ былъ причисленъ къ послу Моркову въ Парижѣ, только пуговицѣ, которая не была застегнута около воротника. Это повлекло за собою сначала арестъ, потомъ такія строгости со стороны великаго князя, съ которыми не можетъ примириться честь и которыя заставили Ланского подать въ отставку.

Съ другой стороны, рота лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, недовольная слишкомъ частыми ученіями, которыя ей дѣлалъ ея капитанъ, собирается въ казармахъ, обсуждаетъ этотъ вопросъ и составляетъ на него жалобу. Капитанъ, узнавъ объ этомъ противозаконномъ собраніи своихъ солдатъ, приноситъ жалобу командиру полка. Но тотъ принимаетъ жалобу мятежниковъ, докладываетъ ее императору, который довольствуется лишь тѣмъ, что отправляетъ въ Сибирь наиболѣе мятежныхъ солдатъ и дѣлаетъ замѣчаніе командиру полка Депрерадовичу за то, что онъ принялъ отъ нихъ жалобу.

Другой офицеръ, которому было приказано конвоировать съ отрядомъ въ 150 человѣкъ партію рекрутовъ, останавливается въ одной деревнѣ. Его солдаты, несмотря на его приказаніе, разбредаются, напиваются пьяными. Онъ хочетъ ихъ наказать, но они поднимаютъ мятежъ, хватаютъ его за воротъ и заставляютъ продѣлать все, что имъ было угодно. Офицеръ донесъ обо всемъ импе-

ратору, который приказываетъ прогнать солдатъ сквозь строй, каждаго восемь разъ, и обрушиваетъ весь свой гнѣвъ на офицера, который былъ разжалованъ въ солдаты. Этотъ государь не умѣетъ ни наказывать во-время, ни награждать. Онъ какъ будто хочетъ нанести смертельный ударъ самой благородной цѣли, съ которой даются воинскія награды, раздавая ихъ массами, безъ всякаго соображенія съ заслугами, какъ это онъ дѣлалъ со своими адъютантами.

Послѣ возвращенія гвардіи онъ поступилъ такъ же относительно почти всѣхъ офицеровъ гвардейскаго корпуса. Вслѣдствіе этого армія недовольна, прежніе служаки громко говорятъ, что они носятъ георгіевскіе кресты только потому, что ихъ сѣдые волосы и давность ихъ заслугъ свидѣтельствуютъ, что они получили ихъ раньше, а не теперь. Своихъ новыхъ сотоварищей недавняго производства они называютъ «кавалерами аустерлицкаго пораженія». Не могу сказать, до какой степени приниженъ и упалъ духъ арміи отъ сознанія того, что она уступила свое первенство,—сознанія, замѣнившаго увѣренность въ ея непобѣдимости, которою она была проникнута. Умные люди приходятъ на этотъ счетъ къ признаніямъ, которыя съ каждымъ днемъ дѣлаются все единодушнѣе, и разоблаченія, въ которыхъ не приходится сомнѣваться, идутъ со всѣхъ сторонъ.

Въ различныхъ отрасляхъ внутренняго управленія гнетъ, отсутствіе правосудія, продажность, взяточничество, произволъ и деспотизмъ начальниковъ, легкій подкупъ подчиненныхъ еще болѣе подрываютъ любовь и уваженіе къ монарху народовъ и возбуждаютъ недовольство противъ него старинныхъ фамилій, удаленныхъ отъ власти и вліянія. Примѣры этого, которые я могъ привести, такъ многочисленны, что невозможно перечислить ихъ здѣсь. Достаточно сказать, что даже относительно сената, этого первенствующаго государственнаго учрежденія, какъ политическаго, такъ и судебнаго, существуютъ списки или такса взятокъ. Списки эти обращаются между адвокатами и служатъ основаніемъ при ихъ соглашеніи съ тяжущимися. Лучшій способъ подсчитать массу контрабанды, ввезенной въ ту или иную часть имперіи, это подсчитать внесенные на храненіе капиталы начальниковъ главныхъ таможенъ. Начальство горныхъ заводовъ эксплоатируетъ ихъ скорѣе для себя, чѣмъ для правительства. Завѣдующій почтой, принимающей только письма, идущія за границу, собираетъ съ однихъ лишь торговцевъ Петербурга болѣе 200 тысячъ рублей незаконныхъ сборовъ. Я могу ручаться за это, такъ какъ онъ самъ, безъ всякаго стѣсненія, говорилъ мнѣ объ этомъ. Я говорю обо всемъ этомъ лишь вкратцѣ, ибо я никогда бы не кончилъ, если бы вздумалъ коснуться этой стороны разныхъ отраслей управленія. И все это происходитъ на глазахъ императора. Судите сами, какое

ужасное зрѣлище представляетъ это взяточничество, которое по мѣрѣ удаленія отъ столицы увеличивается въ геометрической прогрессіи. Вотъ почему бразды правленія ослабли, и все соскакиваетъ со своего стержня. Въ совѣтѣ, если иногда нѣкоторые мужественные и просвѣщенные люди и призываютъ истину на помощь интересамъ государства, если императоръ и самъ чувствуетъ эту истину и подъ вліяніемъ своего добраго сердца видитъ ее, то приближенные, которымъ онъ наиболѣе вѣритъ, стараются тотчасъ же ее затемнить. Я уже говорилъ о нихъ и характеризовалъ ихъ настолько, что нѣтъ надобности вновь распространяться о ихъ воззрѣніяхъ, о ихъ невѣжествѣ и наглости.

Недостатокъ энергіи и характера, въ которыхъ, по-моему, ни одинъ монархъ не нуждается до такой степени, какъ государь, призванный занимать этотъ тронъ, этотъ недостатокъ русскіе приписываютъ главнымъ образомъ воспитанію, которое получилъ этотъ государь. Я не достаточно хорошо знаю Лагарпа, но его упрекаютъ въ томъ, что принципы, которые онъ внушилъ своему ученику, не соотвѣтствуютъ тому назначенію, къ которому тотъ призванъ. Несомнѣнно, здѣсь коренная ошибка, но нашъ Александръ, навѣрно, былъ бы очень хорошимъ гражданиномъ въ Бернѣ или какимъ-нибудь превосходнымъ маркграфомъ. Его наклонности, его вкусы, даже самая его доброта дѣлаютъ его иностранцемъ въ его собственной странѣ, гдѣ онъ всегда будетъ только добрымъ императоромъ, который плохо будетъ хранить достояніе своихъ предковъ и значительно ухудшитъ его, и который кончитъ, можетъ быть, тѣмъ, что самъ станетъ его жертвой. Никогда еще государь не былъ до такой степени не на высотѣ своей страны и изумительныхъ обстоятельствъ и событій этого вѣка. Ему никогда не забудутъ его бѣгства подъ Аустерлицемъ и перваго проявленія страха и отвращенія къ войнѣ послѣ битвы, въ которой онъ, однако, показалъ нѣкоторое мужество. Все это событія въ его жизни, которыя трудно поправить въ глазахъ Европы, его собственнаго народа и въ особенности русской арміи, храбрость, увѣренность и стремительность которой зависятъ болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, отъ поведенія и примѣра ея вождей. Въ то же время онъ обнаруживаетъ ту тонкость впечатлѣній, которой характеризуется слабость характера и въ которой большею частью и слѣдуетъ искать причину колебаній и политическихъ перемѣнъ, которыя, какъ мы уже видѣли и еще увидимъ, будутъ происходить въ разныхъ направленіяхъ.

Когда я переношусь къ началу царствованія этого государя, я едва могу вѣрить всему тому, что происходитъ теперь. Видя новую организацію министерствъ, усиленіе власти сената, установленіе до нѣкоторой степени отвѣтственности министровъ, человѣколюбивыя начала, которыя сказывались во всѣхъ актахъ,

нисходящихъ съ трона, и которыя должны были повести къ уничтоженію рабства крестьянъ, можно было сказать, что Александръ желаетъ распространить аѳинскую республику на имперію въ три тысячи лье протяженіемъ, съ населеніемъ, большею частью состоящимъ изъ варваровъ. Но въ то время онъ проводилъ интимные вечера у Лагарпа, совѣтовался съ нимъ и слушалъ его съ тѣмъ почтеніемъ, съ какимъ ученики Платона относились къ урокамъ этого знаменитаго философа. Извѣстно, что впослѣдствіи этотъ столь любимый наставникъ былъ выпровоженъ и удаленъ въ тотъ моментъ, когда онъ разсчитывалъ вернуться въ Россію и ожидалъ на границѣ паспорта.

Императоръ въ началѣ своего царствованія относился къ Бонапарту съ энтузіазмомъ. Точно также первое время послѣ возвращенія съ поля битвы онъ говорилъ о его военныхъ талантахъ и великодушіи съ удивленіемъ. По этому поводу я разскажу одинъ случай, который дастъ понятіе и о другихъ. Въ министерство графа Кочубея, непосредственно послѣ удаленія князя Куракина, надо было написать письмо Бонапарту, тогда еще первому консулу. Редакція этого письма была поручена императоромъ самому графу Кочубею. Два проекта, составленные министромъ, были одинъ за другимъ отвергнуты императоромъ, находившимъ, что въ нихъ не было тѣхъ оборотовъ, которые въ достаточной степени, какъ онъ того хотѣлъ, выражали бы особое уваженіе, которое онъ, по его словамъ, питалъ къ этому великому человѣку, и почтеніе, которое онъ хотѣлъ ему выразить. Наконецъ графъ Кочубей, потерявъ терпѣніе отъ такой неудачи, съ неудовольствіемъ бросилъ это письмо на столъ Обера и сказалъ ему: «Я только напрасно буду стараться. Императоръ все думаетъ, что я недостаточно польстилъ этому выскочкѣ. Попробуйте, можетъ быть, это удастся вамъ». Вотъ какія выраженія употреблялъ задѣтый за живое министръ. Оберъ набросалъ письмо, полное всякой лести, и онъ получилъ полное одобреніе.

Я вспоминаю, что въ началѣ моего пребыванія въ Петербургѣ, гдѣ я внимательно слѣдилъ за нововведеніями, которыя казались въ такомъ противорѣчіи съ правительственными принципами, одинъ старикъ, съ которымъ я говорилъ объ этомъ безъ стѣсненія, сказалъ мнѣ: «Видно, что вы еще не знаете нашей страны. Года черезъ два все это будетъ заброшено и забыто». Въ самомъ дѣлѣ, облегченія, которыя принесли съ собою первые акты царствованія Александра и на которыя наложилъ руки царствующій въ дворянствѣ олигархическій духъ, въ настоящее, по крайней мѣрѣ, время сведены на нѣтъ. Но подъ этими тайными замыслами тлѣетъ огонь, и событія могутъ вызвать взрывъ гораздо скорѣе, чѣмъ думаютъ. Императоръ иногда проявляетъ въ своихъ дѣйствіяхъ внезапность и упрямство, которыя онъ по своей добротѣ принимаетъ

за проявленіе властности и, повидимому, гордится этимъ. Но, какъ мы уже знаемъ, люди пользуются другимъ моментомъ, другимъ предлогомъ, чтобы склонить его къ тому, что имъ желательно. Невозможно скрывать отъ себя, что болѣе всего роняетъ этого монарха все увеличивающійся скандалъ, вызванный его отношеніями къ Нарышкиной. Въ этомъ случаѣ онъ, повидимому, презираетъ даже ту необходимость скрывать свою связь, которая составляетъ приманку для деликатнаго любовника, и не признаетъ обязательности извѣстнаго поведенія для государя, который, не говоря о причинахъ, связанныхъ съ политикой и съ нравами, состоитъ въ бракѣ съ особой столь же скромной, какъ и красивой, столь же добродѣтельной, какъ и одинокой даже въ той горести, которую ей причиняетъ это нескрываемое увлеченіе. Не менѣе тяжелое впечатлѣніе должно все это производить и на народъ, который знаетъ только внѣшнюю сторону религіи и который руководствуется лишь окружающими его злоупотребленіями, фанатизмомъ и суевѣріями.

Каждый день между ними происходятъ свиданія на прогулкѣ или на улицѣ. Они выходятъ изъ дома въ одно и то же время, чтобы лучше разсчитать свои встрѣчи. Это до такой степени всѣмъ извѣстно, что жители тѣхъ кварталовъ, по которымъ они проѣзжаютъ, знаютъ по ихъ появленію, который часъ. Можно подумать, что это преувеличеніе, но это вполнѣ соотвѣтствуетъ истинѣ. Судите по слѣдующему факту, что должна испытывать императрица. На этихъ дняхъ она гуляла въ Лѣтнемъ саду со своей сестрой и княгиней Голицыной, рожденной Шаховской. Императоръ, который не видѣлъ ихъ и котораго онѣ, въ свою очередь, не видѣли, замѣтивъ издали въ одной изъ боковыхъ аллей Нарышкину, сошелъ съ лошади и подошелъ къ ней. Въ это время императрица, сидѣвшая на скамейкѣ, поднялась, чтобы пройтись еще, и направилась, сама того не желая, какъ разъ въ ту самую аллею, гдѣ находилась влюбленная парочка. Она тотчасъ повернула назадъ, вышла изъ сада и направилась на Англійскую набережную, чтобы продолжить свою прогулку вдоль Невы. Императоръ и Нарышкина вскорѣ разстались. Какъ будто нарочно для того, чтобы оскорбить супругу обожателя Нарышкиной, случай привелъ послѣднюю какъ разъ на ту же набережную. Въ ту минуту, когда она велѣла остановить свою карету противъ Сената, чтобы выйти изъ нея, императоръ уже догналъ ее. Онъ наклонился съ лошади и просунулъ голову въ карету, чтобы имѣть возможность говорить болѣе интимно со своей фавориткой. Въ этомъ-то положеніи его снова увидала императрица, возвращавшаяся съ прогулки.

Эта прекрасная фаворитка не страдаетъ, однако, склонностью къ ссорамъ и бурямъ, которыя, разражаясь, только усиливаютъ скандалъ и которыя женщины, увѣренныя въ своей власти, умѣютъ

вызывать своей тактикой для того, чтобы потомъ лучше воспользоваться плодами примиренія. Я разскажу одинъ случай довольно пикантный, ибо онъ повлечетъ за собою разлуку на нѣсколько мѣсяцевъ.

На послѣднемъ придворномъ балу въ концѣ масленицы императоръ танцовалъ съ женою молодого графа Строганова [1]), находящагося теперь въ Англіи, въ которую онъ когда-то былъ сильно влюбленъ. Говорятъ (и этому приходится вѣрить, ибо это подтверждаетъ общій голосъ, столь безпощадный къ женской репутаціи), что она осталась вѣрной женой, не поддавшись соблазнителю, прелестямъ котораго придаютъ такой вѣсъ его всемогущество и государственная казна. Какъ бы то ни было, Нарышкина изъ любви или по легкомыслію отнеслась ревниво къ проявленію милости и любезности императора съ графиней Строгановой во время танцевъ и осыпала его потомъ самыми горькими упреками. Тотъ, задѣтый за живое ихъ рѣзкостью, быстро отошелъ отъ нея. Нарышкина въ отчаяніи удалилась. Черезъ нѣсколько минутъ императоръ тщетно разыскивалъ ее. Она уѣхала домой. Вотъ сцена во всей ея точности. Императоръ, посовѣтовавшись со своими приближенными, рѣшилъ принять обиженный видъ, чтобы дать ей почувствовать ея несправедливость, приказавъ въ то же время слѣдить, какъ это будетъ ею принято. Снова пришлось выступить оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода. Ему было разрѣшено объявить Нарышкиной, что императоръ сердится на нее. Но тотъ исполняетъ данное порученіе съ лукавствомъ русскаго придворнаго, который не удовольствуется благодарностью стороны, заинтересованной въ посредничествѣ этого посланника боговъ, и повертываетъ все дѣло такъ, чтобы еще болѣе отравить и продлить холодныя отношенія. Нарышкина держится гордо, но въ то же время къ ней зовутъ Франка для консультаціи: она очень больна, событія, разыгравшіяся на балу, причинили ей всевозможныя страданія, какія только можетъ испытывать женщина. Императоръ черезъ пять дней не выдержалъ и отправился къ ней. Происходитъ примиреніе столь же нѣжное, какъ и трогательное, и прекрасные глаза, наполненные слезами, даютъ ему понять, что состояніе ея здоровья дѣлаетъ необходимымъ пользованіе ваннами въ Теплицѣ или Эгерѣ. Внѣ себя отъ отчаянія императора врачъ бросается къ нему. Тотъ приказалъ дать ему точный и вѣрный отчетъ о состояніи здоровья Нарышкиной. Франкъ настаиваетъ на водахъ въ Богеміи, императоръ наконецъ соглашается, отъѣздъ назначенъ въ половинѣ мая и, чтобы ускорить, очевидно, не путешествіе, а возвращеніе, Александръ посылаетъ ей на путевые расходы двѣсти тысячъ рублей. Слѣдуетъ замѣтить, что послѣ

[1]) Графиня Софья Владимировна, рожденная Голицына.

своего возвращенія изъ арміи онъ заказалъ великолѣпную шкатулку, украшенную брильянтами и стоившую ему триста тысячъ рублей. Эту шкатулку онъ также подарилъ ей. Въ послѣдній годъ онъ проявилъ не меньшую щедрость и относительно ея мужа. Кромѣ ордена святаго Александра Невскаго и званія оберъ-егермейстера, которыми была оплачена его снисходительность, императоръ косвеннымъ образомъ далъ ему еще триста тысячъ рублей. Узнавъ, что Нарышкинъ хочетъ продать невоздѣланную землю въ одномъ изъ своихъ имѣній, императоръ приказалъ сдѣлать оцѣнку этого участка. Въ смѣтѣ было сказано, что земля можетъ стоить самое большое сто двадцать тысячъ рублей. Тогда онъ сдѣлалъ видъ, что онъ желаетъ купить эту землю, и сказалъ Нарышкину, что, узнавъ о его желаніи продать этотъ участокъ своего имѣнія, онъ предлагаетъ ему за него триста тысячъ рублей. Оберъ-егермейстеръ съ радостью принялъ это предложеніе, и сдѣлка была заключена съ немедленной уплатой денегъ.

Нѣкоторые, однако, увѣряютъ, что они замѣчаютъ, что любовь императора уменьшается по мѣрѣ того, какъ ему приходится платить. Достовѣрно, однако, извѣстно, что государь довольствуется и другими увлеченіями, которыя не имѣютъ ничего общаго съ его отношеніями къ Нарышкиной, и придворные изъ вассаловъ этой особы, повидимому, чрезвычайно встревожены ея отъѣздомъ. Они находятъ, что она рискуетъ отдать свое мѣсто другой, и многіе изъ нихъ уже не такъ расточаютъ ей при постороннихъ похвалы, какъ это они дѣлали раньше со свойственными имъ низкими цѣлями.

Ходитъ другой слухъ, будто императрица беременна, что уже замѣтны признаки этого и что это счастливое событіе привело императора къ тайной мысли незамѣтно порвать съ Нарышкиной. Чтобы покончить съ нею какъ можно удобнѣе, онъ съ этой цѣлью рѣшилъ ввести ее въ гавань. Прибавляютъ, что съ цѣлью отнять и у мужа поводы жалѣть о его щедрости и о потерѣ столь плодоноснаго золотого дна, императоръ приказалъ выдать ему для уплаты его долговъ, подъ видомъ безпроцентнаго займа, восемьсотъ тысячъ рублей (факты, впрочемъ, какъ будто не подтверждаютъ этого слуха).

Кончая эти замѣтки среди самыхъ критическихъ обстоятельствъ, я долженъ прибавить, что спокойствіе дѣльцовъ иногда нарушается неопредѣленностью ихъ положенія и опасностями для государства, которыя вызвало ихъ поведеніе. Голосъ общественнаго мнѣнія, который страшнѣе всего, когда эти теченія идутъ подъ землей, повидимому, дошелъ до ихъ сознанія, вызвалъ въ нихъ угрызенія, но угрызенія такія, которыя моралисты называютъ пассивными. Объ этомъ я сужу по обнаружившимся розыскамъ и обыскамъ, которые можно видѣть въ дѣйствіяхъ полиціи.

Такъ какъ я знаю отъ одного изъ главныхъ лицъ въ этой странѣ, что я тоже являюсь ихъ объектомъ, несмотря на милостивое ко мнѣ отношеніе великаго князя, которое онъ выказываетъ при встрѣчахъ и на прогулкахъ, обращаясь со мной запросто, точно такъ же, какъ и князь Чарторыйскій и Новосильцевъ, когда мнѣ приходится бывать съ ними въ клубѣ или въ театрѣ, гдѣ они всегда занимаютъ мѣсто передъ оркестромъ, то мое вниманіе привлекло то обстоятельство, что многіе другіе также увлекаются этой дѣятельностью. Мнѣ сообщили, что управляющему полиціей Эртелю [1]) отпущено двѣсти тысячъ рублей на организацію секретнаго отдѣленія, состоящаго изъ лицъ, бывающихъ въ обществѣ, которыя обладаютъ достаточной интеллигентностью и ловкостью, чтобы втираться въ довѣріе и держать нити въ своихъ рукахъ и которыя по внѣшности не должны выдавать родъ своихъ занятій, какъ теперешняя полиція, которая обмундирована по военному и которую видно вездѣ, гдѣ она шныряетъ. Чтобы возбудить усердіе Эртеля, ему дали въ награду пятьдесятъ тысячъ рублей. Для этихъ наблюденій въ особенности рекомендуются тѣ изъ генераловъ и офицеровъ, которые уже служатъ здѣсь за счетъ правительства гг. адъютантовъ аустерлицкой битвы. Эти шпіоны должны имѣть своею цѣлью между прочимъ подкупъ нашихъ людей, перехватываніе нашихъ шифровъ, развѣдываніе нашихъ мѣропріятій и связей и тому подобныя прелести, которыя неизбѣжно сопутствуютъ подозрѣніямъ, какъ скоро власть дѣлается озабоченной и обезпокоенной. Эти мѣры исходятъ, разумѣется, изъ того же источника, откуда сумѣли доказать ихъ необходимость, ибо всѣ эти безразсудные люди, стоящіе сейчасъ у власти, чувствуютъ, что ихъ участь зависитъ отъ участи куклы, которой они играютъ. Тяжело видѣть, какъ этотъ добродушный императоръ самъ стремится къ своей гибели. Этого иначе нельзя объяснить, какъ рокомъ, который въ нашу великую и памятную эпоху увлекъ уже столько государствъ къ ихъ гибели и уничтоженію. Одинъ отставной генералъ-лейтенантъ сказалъ мнѣ какъ-то буквально слѣдующее: «Только надежда на беременность императрицы и на появленіе прямого наслѣдника и заставляетъ насъ мириться съ управленіемъ глупцовъ и съ боязнью быть управляемыми чудовищемъ». Нѣкоторые также усмотрѣли въ перемѣнахъ, которыя, говорятъ, произошли среди окружающихъ императрицу-мать во время отсутствія императора и въ особенности въ теченіе восьми или десяти дней безмолвія, которые отчасти предшествовали и послѣдовали за Аустерлицкой битвой и когда вообще безпокоились за участь императора, признаки того, что она приняла свое рѣшеніе на случай этой потери. Я не позволилъ бы себѣ высказать увѣренность въ томъ, что съ ея стороны

[1]) Отъ имени сего господина произошелъ Эртелевъ переулокъ.

существуютъ извѣстные планы, но видно, что эта женщина, не перестающая быть честолюбивой и скрытной, старается съ ревностью и послѣдовательностью использовать всѣ обстоятельства, чтобы привлечь къ себѣ народную любовь. Ея щедрость, ея религіозное притворство, показаніе своихъ благодѣяній, вся обстановка, ея посѣщеніе тѣхъ благотворительныхъ учрежденій, которыя подчинены ей, все носитъ этотъ характеръ. Одной противоположностью между ея образомъ жизни и жизнью молодого двора она образуетъ почти государство въ государствѣ. Она всегда имѣетъ видъ главы оппозиціи, и даже въ настоящій моментъ публика занята вопросомъ о бурной ссорѣ, которая пропзошла между нею и императоромъ. Мы видимъ, что она мѣняетъ свой образъ мыслей и принципы, смотря по обстоятельствамъ, въ которыя ее ставятъ его дѣльцы. Я не считаю ее ни довольно злобной, ни достаточно мужественной, чтобы совершить знаменитое преступленіе Екатерины, но въ ней достаточно честолюбія и слабости, чтобы стать послѣ его сверженія орудіемъ какого-нибудь темнаго преступленія, не входившаго въ ея расчеты. Кто не вспомнитъ по этому поводу своего рода соучастіе или, по крайней мѣрѣ, молчаливое согласіе теперешняго императора на катастрофу, постигшую его несчастнаго отца? Я чувствую всю отвратительность подобныхъ подозрѣній въ кругу нашихъ идей. Я самъ съ ужасомъ отказываюсь отъ нихъ. Но развѣ я не въ той странѣ, гдѣ самымъ неблагодарнымъ всегда оказывается тотъ, кого болѣе всего осыпали милостями? Не въ той ли странѣ, гдѣ на каждомъ шагу между командирами гвардіи и высшими сановниками государства, рядомъ съ трономъ, я вижу убійцъ двухъ императоровъ? Наконецъ, не въ той ли странѣ, гдѣ дворцовыя революціи такъ же часты, какъ и въ турецкомъ сералѣ? Я содрогаюсь, излагая эти мысли, но разъ онѣ существуютъ, я не считаю возможнымъ ихъ скрывать, какъ бы страшны онѣ ни были.

Другая не менѣе страшная опасность, которой подвергается императоръ, это засилье вокругъ него англійской партіи. Его стараются укрѣпить до такой степени, чтобы онъ не могъ избавиться отъ него безъ риска погибнуть, хотя бы онъ въ одинъ прекрасный день и увидалъ самъ бездну, въ которую его ведутъ. Надо посмотрѣть, съ какой старательностью англійскій посланникъ привлекаетъ теперь въ свой домъ и ухаживаетъ за всѣми молодыми людьми, которые имѣютъ хоть какое-нибудь значеніе по своему положенію и репутаціи. Никогда онъ не жилъ такъ, какъ живетъ съ нѣкотораго времени. Его домъ открытъ только тѣмъ, кто отличается нѣкотораго рода преданностью Англіи. Остальныхъ тамъ часто принимаютъ такъ, чтобы у нихъ пропала охота явиться сюда второй разъ. Замѣчательна близость Мерфельда съ этой партіей. Это всѣмъ бросается въ глаза: онъ почти всегда и вездѣ съ англійскимъ посломъ, и въ этомъ случаѣ онъ точно повторяетъ ошибки Стадіона. Даже

врачи являются внутри дворца развѣтвленіемъ англійскаго засилья, ими успѣшно пользуются не столько въ области ихъ искусства, сколько ради ихъ вкрадчивой тактики, чтобы подкупить черезъ нихъ. Они на-сторожѣ всего, что происходитъ. Особенно прославился на этомъ поприщѣ Робертсонъ. Вотъ почему онъ часто ѣздитъ въ Англію за новыми инструкціями и вновь появляется въ рѣшительныя минуты. Нельзя себѣ представить ихъ зависть и непріязнь къ Франку, слава, личныя заслуги и сдержанное поведеніе котораго могли до сего времени одерживать верхъ надъ ихъ интригами и клеветами.

Я въ особенности постарался на этотъ разъ обрисовать характеръ императора, и, вернувшись къ этому вопросу, я вдался въ большія подробности. Ибо я полагаю, что точное знакомство съ правительствами и съ окружающими ихъ лицами даетъ болѣе вѣрное основаніе бояться ихъ или надѣяться на нихъ, чѣмъ вся сила государствъ и имперій имъ подвластныхъ. Тутъ то же самое, что съ арміей: не численность, а тактика управляетъ ея движеніями и даетъ ей цѣну, которая составляетъ ея силу и превосходство.

Составлено въ С.-Петербургѣ въ началѣ мая 1806 г.

Дополнительный бюллетень къ моимъ депешамъ за №№ 66, 67, 68, составленный въ С.-Петербургѣ 19 (31) декабря 1805 года.

Пока разъединеніе двухъ державъ является лишь слѣдствіемъ кратковременныхъ разногласій, отдѣльныхъ интересовъ, мелкаго соперничества и другихъ второстепенныхъ причинъ, несогласія, которыя могутъ возникнуть изъ этого, перемѣняются и видоизмѣняются съ обстоятельствами, которыми это положеніе вызвано. Все въ это время сосредоточивается въ нѣдрахъ кабинетовъ, и народы, на которые распространяется ихъ власть, остаются, такъ сказать, нейтральными. Но въ эпохи рѣшающія, въ обстоятельствахъ чрезвычайныхъ одинъ народъ падаетъ въ глазахъ другого, и если общественному сознанію нанесенъ ударъ великими соблазнами, то это чувство выражается въ презрѣніе и въ ненависть, просачивается въ отдѣльныхъ людей и, сдѣлавшись національнымъ, начинаетъ съ этого времени играть роль въ политическихъ комбинаціяхъ и даже можетъ служить основаніемъ для правительственныхъ соображеній о системѣ ихъ отношеній и союзовъ.

Съ этой точки зрѣнія я считаю, что обстоятельства, раскрывшіяся передъ глазами Россіи, т.-е. гнилость органовъ этой монархіи, ея паденіе въ общественномъ мнѣніи этой имперіи, упадокъ общаго къ ней довѣрія, являются по отношенію къ намъ величайшей изъ побѣдъ, одержанныхъ надъ Австріей. Все это настолько вѣрно, что отнынѣ она будетъ считаться, такъ сказать, второсте-

пенной державой, даже въ томъ случаѣ, если бы до войны она вступила въ большую часть своихъ владѣній. И можно не безъ основанія полагать, что битва при Ульмѣ будетъ для общаго порядка этой монархіи тѣмъ же, чѣмъ была битва при Рокруа для Испаніи. Событія, послѣдовавшія и предшествовавшія концу предпослѣдней войны, воспоминанія о которыхъ теперь воскресли, кажется, должны быть для Россіи наслѣдственной причиной недовѣрія, презрѣнія и ненависти по отношенію къ ней. Объ этомъ можно судить по слѣдующимъ фактамъ.

Со времени послѣднихъ неудачъ полиція должна была слѣдить какъ можно строже, чтобы предупредить схватки между русскими и нѣмцами-ремесленниками и предотвратить открытыя нападенія на нихъ въ общественныхъ мѣстахъ, лавкахъ, въ гостинницахъ. Эти люди съ патріархальными бородами воображали, что всѣ нѣмцы должны быть австрійцами, и потому, встрѣчая ихъ, бранили ихъ и называли подлецами и измѣнниками, присоединяя сюда другія, еще болѣе энергичныя слова своего языка, и нерѣдко производили нападенія на нихъ, такъ что приходилось прибѣгать къ самымъ быстрымъ мѣрамъ, чтобы удержать ихъ отъ насильственныхъ дѣйствій и бѣшенства, которому неудержимо предавались эти рьяные патріоты. Изъ писемъ генерала Кутузова я, съ другой стороны, знаю, что въ теченіе нѣкотораго времени ему пришлось приложить всѣ старанія къ тому, чтобы смягчить среди его солдатъ проявленіе презрѣнія, которое они оказывали своимъ товарищамъ австрійцамъ. Между прочимъ, онъ принужденъ былъ объявить имъ, что среди нихъ нѣтъ ни генераловъ, ни солдатъ изъ ульмской арміи, и привести еще нѣсколько соображеній того же характера. Кажется, окончательное отвращеніе австрійцевъ къ войнѣ объясняется отчасти нелестными о нихъ отзывами ихъ союзниковъ. Это презрѣніе шло такъ далеко, что во время раздачи хлѣба послѣ битвы подъ Аустерлицемъ русскіе, умирая отъ голода, бросали подвозившееся имъ еще австрійское продовольствіе, говоря, что они боятся, какъ бы не заразиться отъ нихъ подлостью и вѣроломствомъ.

Императоръ Александръ раздѣлялъ это мнѣніе своей арміи. Чтобы дать понятіе объ этомъ, достаточно будетъ привести его характерный въ этомъ отношеніи отзывъ. Въ интимной, откровенной бесѣдѣ о событіяхъ государь выразился такъ: «Наконецъ, чтобы дать вамъ понятіе, до какой степени эти австрійцы плуты и предатели (это его подлинныя слова), я ограничусь только замѣчаніемъ, что Стадіонъ среди нихъ одинъ изъ самыхъ почтенныхъ, которыхъ мнѣ приходилось видѣть». Если этотъ отзывъ такъ же лестенъ, какъ и заслуженъ, то по нему легко замѣтить, какой скандалъ произвело здѣсь зрѣлище генерала, смиренно идущаго въ свою главную квартиру выклянчивать, какъ здѣсь говорили, миръ, того

самаго генерала, который только и дѣлалъ, что проповѣдывалъ войну, даже противъ Пруссіи, который въ обществѣ при упоминаніи имени Бонапарта набрасывался на него, какъ гарпія, и совмѣстно со своимъ адъютантомъ Штуттергеймомъ находилъ для него лишь одни ругательства.

Я долженъ прибавить еще здѣсь о томъ, что произошло на военномъ совѣтѣ, состоявшемся немедленно послѣ дѣла подъ Аустерлицемъ, и о чемъ я узналъ изъ надежнаго источника.

Генералъ Кутузовъ былъ противъ того, чтобы давать битву, онъ хотѣлъ отступить къ тѣмъ 3.600 человѣкамъ, которые прибыли изъ арміи Михельсона и которыхъ берегли, пока не опредѣлились движенія Пруссіи, вовлекшія ее въ борьбу. Говорятъ, онъ бросился на колѣни передъ императоромъ, умоляя его, если уже онъ рѣшилъ дать битву, отдѣлиться отъ австрійцевъ и при атакѣ не разсчитывать на нихъ. Онъ заявилъ, что ему извѣстно о ихъ подавленности и что онъ убѣжденъ, что они только внесутъ безпорядокъ въ армію, что онъ беретъ отвѣтственность за все на свою голову и что, если ужъ этого такъ хотятъ, онъ берется побѣдить съ одними русскими, хотя они и въ меньшемъ числѣ, или по крайней мѣрѣ умретъ со славой. Съ тѣхъ поръ событія оправдали мнѣніе генерала, котораго вездѣ хвалятъ. Увѣряютъ, что немедленно послѣ первыхъ же схватокъ часть австрійцевъ отступила и сдалась, бросивъ оружіе, тогда какъ другіе, чтобы получить возможность слѣдовать за ними и сдѣлать то же самое, стали стрѣлять въ русскихъ, которые съ яростью негодованія бросились въ штыки на этихъ подлыхъ дезертировъ. Говорятъ, что колонна генерала Эссена, отосланная или остановленная по распоряженію принца Іоанна Лихтенштейнскаго, которому было передано общее командованіе, прибыла къ мѣсту своего назначенія уже послѣ битвы и не могла принять въ ней участія. Достовѣрно только то, что императоръ самъ сказалъ, что онъ еще никогда не видалъ, чтобы окрошку приготовляли столь быстро, какъ изъ этихъ австрійскихъ корпусовъ, которые на его глазахъ положили оружіе. Его генералъ-адъютантъ Уваровъ, командовавшій артиллеріей, увѣрялъ меня, что увидавъ издали, какъ австрійская колонна приближалась къ непріятелю безъ всякой поддержки кавалеріи, онъ сейчасъ же приказалъ полку русскихъ драгунъ сдѣлать движеніе для ея прикрытія, но когда онъ подошелъ поближе, то онъ увидѣлъ, что австрійцы бѣжали со всѣхъ ногъ, чтобы сдаться въ плѣнъ. Но французы, замѣтивъ развертываніе русской кавалеріи и, очевидно, боясь какого-нибудь стратегическаго плана, открыли огонь по бѣгущимъ австрійцамъ, которые, словно кролики, стали метаться во всѣ стороны между кавалеріей и французскими батальонами и сначала были разстрѣляны французскими стрѣлками, а потомъ смяты русской кавалеріей, которая, оставшись одна противъ непріятеля, рисковала быть окру-

женной, но пробилась черезъ этихъ несчастныхъ, которые не знали, куда дѣваться, лишь бы избавиться отъ смерти.

Ко всѣмъ этимъ разсказамъ прибавляютъ еще, что въ промежуткѣ, который предшествовалъ битвѣ, германскій императоръ только осматривалъ лошадей, запряженныхъ въ повозки съ его богатствами, и заботился только о томъ, чтобы пустить ихъ въ надлежащемъ направленіи и обезопасить свои сокровища, что потомъ онъ явился въ качествѣ, такъ сказать, перебѣжчика во французскій лагерь и поручилъ себя великодушію побѣдителя. Вслѣдствіе такой измѣны австрійцевъ флангъ русской арміи былъ обнаженъ и среди вызваннаго этимъ смятенія и безпорядка различные русскіе корпуса дѣйствовали разрозненно, безъ опредѣленнаго плана, руководствуясь только своей храбростью. Какъ бы ни сказывалось въ этихъ подробностяхъ самолюбіе, стремящееся оправдать свое пораженіе, тѣмъ не менѣе я нахожу, что онѣ заслуживаютъ тѣмъ большаго вниманія, что, съ другой стороны, мы имѣемъ откровенныя признанія того, что сдѣлалъ военный геній французскаго императора, чтобы закрѣпить за собою побѣду. Вотъ это-то почти единственное признаніе и заставляетъ чувствовать всю тяжесть общей непріязни къ виновникамъ этого сраженія. Въ этомъ отношеніи общественное мнѣніе имѣетъ въ виду великаго князя Константина, который на военномъ совѣтѣ, о которомъ я уже говорилъ, на благоразумное мнѣніе генерала Кутузова возразилъ, что тотъ со страха говоритъ вздоръ. Но въ особенности оно обвиняетъ генералъ-адъютанта князя Петра Долгорукаго. Говорятъ, что, будучи посланъ до начала сраженія къ Бонапарту, онъ велъ себя при этомъ свиданіи съ необдуманностью школьника, со всѣмъ тщеславіемъ и дерзостью русскаго, который считаетъ себя важнымъ человѣкомъ. Передаютъ, что когда императоръ Наполеонъ ему сказалъ, что за исключеніемъ Италіи и вопроса о вознагражденіи онъ во всемъ остальномъ полагается на рѣшеніе императора Александра, князь Долгорукій отвѣтилъ, что объ этомъ не можетъ быть и рѣчи, что его государь не положитъ оружія до тѣхъ поръ, пока не будутъ исполнены условія, о которыхъ онъ уже сообщилъ. Послѣ этихъ словъ Бонапартъ повернулся къ нему спиной и прибавилъ съ живостью: «Хорошо, въ такомъ случаѣ мы будемъ драться», и потомъ громко крикнулъ своему конюху: «Коня!»—и уѣхалъ, оставивъ русскаго уполномоченнаго сконфуженнымъ. Французскій императоръ, повидимому, разсказалъ объ этомъ императору германскому во время свиданія, которое произошло между этими двумя государями послѣ битвы. Наполеонъ будто бы сказалъ ему, что вся пролитая въ этотъ день кровь—слѣдствіе неудачнаго выбора присланнаго къ нему русскаго парламентера. И, дѣйствительно, князь Долгорукій, вернувшись въ лагерь, больше всего содѣйствовалъ рѣшенію вступить въ битву. Онъ засталъ императора въ раз-

говорѣ съ княземъ Багратіономъ. Доложивъ ему сначала о своихъ переговорахъ съ императоромъ Наполеономъ, онъ замѣтилъ, что государь глубоко задумался. Полагая по его наружному виду, что онъ колеблется и, можетъ быть, уступитъ этому движенію, Долгорукій обратился къ князю Багратіону, который любилъ ловить рыбу въ мутной водѣ, и сказалъ ему что-то на ухо. Потомъ, вернувшись вмѣстѣ къ императору, они оба сказали ему: «Если, ваше величество, отступите, онъ приметъ насъ за трусовъ». «Трусовъ?—сказалъ государь:—лучше умереть». Въ этотъ-то моментъ и было окончательно рѣшено дать битву, и ничто уже не могло заставить императора отказаться отъ нея. Чарторыйскій и Новосильцовъ напрасно пытались отговорить его отъ этого. Его величество, говорятъ, отвѣтилъ имъ съ неудовольствіемъ, что это не дѣло министровъ и ихъ не касается. Изъ этого видно, что, несмотря на превосходныя качества, которыми надѣленъ этотъ государь, въ немъ есть и упрямство, и часто ничтожныя причины ведутъ за собою величайшія событія. То же лицо, которое сообщало мнѣ эти свѣдѣнія, прибавило: «Бонапартъ намъ доказалъ, что мы дѣти въ военномъ дѣлѣ, и было бы излишне говорить о противоположности между стройностью движеній его арміи и безпорядочностью нашей. Казалось, онъ игралъ съ нами въ шахматы». Всѣ военные разныхъ чиновъ, возвратившись изъ арміи, единогласно говорили то же самое. Это даетъ болѣе точную картину теперешнихъ впечатлѣній и настроенія народа и общества.

Что касается министерства, то каково бы ни было его упорство, событія должны были сильно измѣнить его направленіе. Повидимому, ему невозможно долго сопротивляться этому движенію общественнаго мнѣнія. Съ другой стороны, противоположная партія воспользовалась его отсутствіемъ для того, чтобы наточить свое оружіе, а послѣднія неудачи дали въ этомъ случаѣ могучее оружіе. Главнымъ виновникомъ войны можно по всей справедливости считать Новосильцова. Этотъ министръ, наиболѣе приближенный къ особѣ императора, пользующійся, повидимому, его полной довѣренностью, преданный англійской партіи, вмѣстѣ съ русскимъ посломъ въ Лондонѣ, графомъ С. Р. Воронцовымъ, другимъ слугой британскаго кабинета, потрясаетъ небо и землю, чтобы проповѣдывать крестовый походъ. Со времени своего возвращенія изъ Англіи, гдѣ партія Питта, льстя и ухаживая за нимъ, овладѣла его тщеславіемъ, онъ потерялъ всякую мѣру въ этомъ отношеніи. Его великолѣпно поддерживалъ начальникъ инженерной части генералъ Сухтеленъ, вліяніе котораго въ этомъ случаѣ было самымъ рѣшительнымъ и который дѣйствовалъ по указаніямъ возбуждавшаго его герцога Серра-Капріола и графа де-Местра. Великій князь Константинъ, министръ Гурьевъ, морской министръ адмиралъ Чичаговъ, генералъ-адъютантъ Винцингероде и еще нѣсколь-

ко ставленниковъ и излюбленныхъ людей Австріи съ жаромъ работали въ томъ же направленіи. Къ нимъ же надо причислить датскаго посланника барона Блома, который имѣетъ большія связи среди вліятельныхъ лицъ и который въ отсутствіе австрійскихъ агентовъ распространялъ ихъ писанія противъ насъ, способствовалъ черезъ г-жу Ливенъ распространенію ихъ въ императорской фамиліи и однажды въ обществѣ сдѣлалъ неприличный выпадъ, напавъ на меня по поводу рѣшеній, принятыхъ моимъ государемъ, на что я отвѣтилъ такъ, какъ этого требовалъ мой долгъ.

До того времени, какъ былъ рѣшенъ окончательный разрывъ, въ средѣ тайныхъ совѣтовъ, которые держалъ его величество, было много вліятельныхъ и умныхъ голосовъ оппозиціи, которые высказывались противъ войны. Между ними слѣдуетъ отмѣтить министра финансовъ графа Васильева и министра юстиціи графа Лопухина. Императрица-мать по какому-то странному противорѣчію, которое съ нѣкотораго времени замѣчается въ ея поведеніи и о которомъ я уже сообщалъ въ своемъ донесеніи за № 63, поддерживала ихъ тогда всѣмъ своимъ авторитетомъ, точно такъ же, какъ и оберъ-гофмейстеръ графъ Толстой, его братъ, петербургскій военный губернаторъ, бывшій вице-канцлеръ князь Александръ Куракинъ, министръ торговли графъ Румянцовъ и его братъ. На этихъ совѣщаніяхъ съ особой силой говорилъ графъ Васильевъ и старался доказать безполезность и опасность этой войны для Россіи. Онъ въ особенности упиралъ на недостатокъ довѣрія къ вѣнскому кабинету, чему Австрія дала поразительныя доказательству Павлу I какъ во время послѣдней войны, такъ почти во всѣхъ войнахъ, которыя велись совмѣстно съ этой державой.

Истощеніе средствъ, которыя теперешній императоръ довелъ съ начала своего царствованія до цвѣтущаго и столь счастливаго для государственнаго кредита состоянія, дало ему послѣдній поводъ къ сопротивленію, и онъ закончилъ свою рѣчь словами, что по совѣсти онъ считаетъ своею обязанностью высказываться противъ войны.

Но партія, о которой я говорилъ выше, одержала надъ нимъ верхъ.

Что касается лично императора, то онъ безъ особаго сочувствія, но и безъ сопротивленія присоединился къ большинству совѣта или своихъ совѣтниковъ. Съ тѣхъ поръ его возбудили еще болѣе мнимыми замѣчаніями на его счетъ императора Наполеона, которыя тщательно ему передавались, разукрашенныя всѣми цвѣтами лондонскаго курьера. Перчатка была брошена, результаты взвѣшены и извѣстны.

Теперь мы дошли до момента возвращенія императора въ свою столицу.

Наступила новая эпоха для всѣхъ партій. Прежде всего приготовились къ сраженію придворные, для которыхъ орудіемъ являлась интрига, а побѣда выражалась удаленіемъ соперника. Интересы и горе отечества были забыты. Движенія всѣхъ соперниковъ министерства, сторонниковъ и противниковъ войны, соперницъ материнской и супружеской нѣжности—сосредоточились вокругъ юнаго императора. Поѣздкой въ Гатчину, которую предприняли обѣ императрицы, чтобы встрѣтить императора, вдовствующая императрица, кромѣ желанія встрѣтить и обнять сына, стремилась также возстановить свое вліяніе на него и свое политическое значеніе, уже давно потускнѣвшее. А царствующая императрица по своему болѣе скромному и справедливому честолюбію стремилась только вновь овладѣть чувствами своего августѣйшаго супруга. Особенно волновались придворныя дамы изъ тѣхъ, которыя считали, что онѣ имѣютъ нѣкоторыя права на его сердце, и которыя разсчитывали на прежнія увлеченія на сторонѣ и на новыя впечатлѣнія, и эти публичныя проявленія волненія не были чужды расчетамъ любви и порока, честолюбія и тщеславія. Госпожа Кочубей, которой два года тому назадъ удалось обратить на себя вниманіе императора, со своими двоюродными сестрами съ утра отправилась въ толпу народа, чтобы участвовать въ кликахъ народа, надѣясь, что столь явное усердіе будетъ замѣчено тѣмъ, кому оно оказывается, и вызоветъ его признательность. Нѣкая госпожа Чернышева со своими дочерьми, поджидавшая императора въ одномъ изъ коридоровъ дворца, схватила его, когда онъ проходилъ, и противъ его воли поцѣловала его одежду и плечо. Госпожа Нарышкина, которой обладаніе сердцемъ императора придало больше храбрости, ожидала не безъ волненія, что недавнія воспоминанія и власть ея чаръ приведутъ къ ея ногамъ ея августѣйшаго поклонника. Не прерывавшаяся переписка съ нимъ и сношенія черезъ курьера, питая въ ней надежду на ея тріумфъ, вознаграждали ее за лишенія и за тревоги, которыя она испытывала во время его отсутствія. Вечеромъ между этими дамами вспыхнуло явное соперничество въ аллегорическихъ иллюминаціонныхъ щитахъ и медальонахъ, украшавшихъ ихъ дома. Всѣ умники мучились въ поискахъ соотвѣтственныхъ къ нимъ надписей. Надпись у Кочубей состояла изъ шифра императора и слѣдующихъ словъ: «Императору и отечеству». У Нарышкиной было имя «Александръ», а вокругъ—«Благодѣтелю міра». Злые языки прошлись немного по этому поводу, но ея тріумфъ былъ полный. Императоръ сдѣлалъ ей визитъ въ самый день своего пріѣзда. На другой день отъ избытка радостныхъ чувствъ, которыя ея пришлось пережить, она, разумѣется, заболѣла. Я знаю, что его величество самъ давалъ прекрасной больной прописанныя ей лекарства, получая за то самую услужливую и нѣжную благодарность. До сихъ поръ связь императора съ

этой прекрасной полькой была облечена тайной, которой требуютъ приличіе и другія соображенія относительно весьма скромной и добродѣтельной императрицы. Но со времени возвращенія императора Нарышкина не скрываетъ уже своего фавора и каждый день получаетъ все болѣе и болѣе яркія доказательства этого расположенія. Поэтому всѣ, кто дорожитъ придворными почестями, всѣ на колѣняхъ передъ ней. Несмотря на то, что ея мужъ знаетъ объ этой постыдной связи и получаетъ въ награду за это всякіе ордена, онъ и князь Александръ Голицынъ, прокуроръ Святѣйшаго Синода, являющійся по этой должности патріархомъ греческой церкви, засыпанный отъ имени императора разными порученіями, смотря по обстоятельствамъ, устанавливаютъ, ускоряютъ или замедляютъ сладкія минуты этой связи. Эта связь, оскорбляющая и удручающая императрицу, по мѣрѣ того, какъ она дѣлается все болѣе и болѣе открытой, способствуетъ только тому, что необдуманное поведеніе, оказавшееся столь гибельнымъ подъ Аустерлицемъ, подрываетъ уваженіе и любовь русскихъ къ императору и своего рода повсемѣстный его культъ.

Нападки противъ молодыхъ министровъ стали болѣе явными, а общественныя невзгоды придавали имъ болѣе серьезный характеръ. Нужно замѣтить по этому поводу, что въ союзѣ между тремя министрами: Чарторыйскимъ, Новосильцовымъ и Строгановымъ, въ союзѣ, который, несмотря на нерѣдкое различіе ихъ мнѣній, остается непоколебимымъ, несмотря на усилія разныхъ лицъ разъединить ихъ, въ этомъ союзѣ предметомъ происковъ противоположной партіи служитъ по преимуществу первый. Страхъ, который стала возбуждать къ себѣ Польша послѣ первыхъ впечатлѣній 2-го декабря, давалъ для этого особые поводы, и опозданіе князя дало его врагамъ время для того, чтобы ее использовать. Какъ только распространились первыя вѣсти о пораженіи, а онѣ предшествовали пріѣзду императора, вездѣ только говорили между собою и въ общественныхъ мѣстахъ, что князь Чарторыйскій согласился на эту войну только потому, что онъ предвидѣлъ, что пораженія русскихъ приведутъ армію Бонапарта въ его отечество, что онъ не сомнѣвался, что побѣдитель поднимете тамъ знамя возстанія и навяжетъ сейму въ короли князя Чарторыйскаго, поддержавъ его избраніе своей побѣдоносной арміей! Видите, прибавляли при этомъ, онъ не пріѣзжаетъ только потому, чтобы попасться въ плѣнъ и подъ предлогомъ своего плѣненія сохранить на себѣ маску. Объ этихъ странныхъ обвиненіяхъ можно говорить потому, что они обнаруживаютъ интриги этого двора и не столько ловкость, сколько безстыдство молокососовъ (lacticiens), которые, сваливъ кого-нибудь съ мѣста какимъ бы то ни было позорнымъ и нелѣпымъ способомъ, всегда жаждутъ воспользоваться всѣмъ, что ведетъ къ ихъ возвышенію. Зная о клеветахъ, направленныхъ

противъ него, онъ недавно сказалъ одному иностранному послу, жаловавшемуся на предубѣжденія, съ которыми ему пришлось бороться въ отсутствіе министра: «Вы должны знать, до какой степени наша публика любитъ сплетничать, но, къ счастью, мнѣ отъ этого ни тепло, ни холодно». По этому поводу я долженъ, однако, сказать, что узналъ изъ хорошаго источника, что князь не высказывался рѣшительно за войну. Чтобы характеризовать его участіе въ этомъ дѣлѣ, нужно было бы сказать, что онъ далъ увлечь себя союзу или тріумвирату, о которомъ я выше говорилъ.

За этими глухими происками послѣдовали представленія, не лишенныя, быть можетъ, заднихъ мыслей, честолюбивыхъ и завистливыхъ, но изложенныя въ патріотическомъ духѣ. Князь Лопухинъ не удовольствовался осужденіемъ поведенія молодыхъ министровъ, но, говорятъ, представилъ императору докладную записку, въ которой онъ сильно нападаетъ на политику кабинета послѣднихъ лѣтъ и доказываетъ, что именно ему обязана имперія тѣмъ унизительнымъ и критическимъ положеніемъ, въ которомъ она теперь находится, лишившись своего достоинства, своего вліянія за границей и, очевидно, скомпрометировавъ на будущее время свои собственные интересы. Къ этой запискѣ онъ присоединилъ и свое прошеніе объ отставкѣ (она не была принята), говоря, что правда, которую онъ себѣ позволилъ сказать императору, пожалуй, можетъ его оскорбить, но что въ минуту, когда рѣчь идетъ о славѣ и безопасности отечества, онъ счелъ своимъ долгомъ воспользоваться привилегіей, которую ему даетъ его постъ, чтобы повергнуть къ подножію трона свои представленія. Много другихъ лицъ также писали императору письма въ томъ же смыслѣ, напоминая ему о поведеніи Екатерины II во время первой войны съ Франціей и жалуясь, что такая держава, какъ Россія, находится въ зависимости то отъ Австріи, то отъ Англіи, и приписывая этому недостатку русской политики всѣ затрудненія и неудачи, уже ее постигшія и грозящія ей въ будущемъ. Общественное мнѣніе на этотъ счетъ такъ рѣзко выразилось въ Москвѣ, что генералъ-губернаторъ этого города Беклешовъ счелъ долгомъ спеціально доложить объ этомъ императору. Дворянство этой второй столицы, гдѣ въ это время собирается дворянство почти всей имперіи, почувствовало себя оскорбленнымъ и смущеннымъ благодарностью, которую императоръ прислалъ изъ своей главной квартиры исключительно городу Петербургу. Императорскій рескриптъ, въ которомъ она была изложена, приложенъ къ моему донесенію № 62. Московское дворянство находило, что оно принесло не меньше жертвъ ихъ любви къ отечеству и на нужды арміи, чѣмъ обыватели Петербурга. Въ теченіе нѣсколькихъ дней ходили слухи, что императоръ лично отправился въ Москву, чтобы смягчить эти жалобы и утишить ихъ своимъ присутствіемъ.

Наконецъ нащупали всѣ слабыя стороны министерства. Раздавались громкія жалобы на неопытность совѣтниковъ, на ихъ молодость и страсти, но государь, говорятъ, сразу положилъ конецъ этимъ нареканіямъ, сказавъ въ одномъ разговорѣ окружающимъ: «Я никогда не забуду доказательствъ преданности Чарторыйскаго и Новосильцова, которыя я получилъ въ этихъ обстоятельствахъ». Въ самомъ дѣлѣ, говорятъ, что во время сраженія они сопровождали его всюду, тогда какъ оберъ-гофмаршалъ Толстой въ минуту опасности держался вдали. Будучи настоящимъ придворнымъ, онъ сумѣлъ обратить въ шутку это отсутствіе мужества, и самъ разсказывалъ, что въ рѣшительныя минуты онъ держался за германскимъ императоромъ, въ полной увѣренности, что около него онъ найдетъ безопасность, подобающую гражданскому чину, и что въ самомъ дѣлѣ ему никогда не приходилось видѣть императора болѣе неподвижнымъ на своемъ посту.

Нѣкоторые объясняли затянувшееся пребываніе Новосильцова въ Пулавахъ, въ то время, когда императоръ направлялся въ Берлинъ, какъ знакъ немилости, но я узналъ, что это временное удаленіе отъ особы императора было сдѣлано только въ угоду берлинскому двору, недовольному этимъ министромъ и прямо давшему объ этомъ понять императору черезъ князя Петра Долгорукаго, какъ меня увѣряли. Этотъ послѣдній съ жадностью честолюбія схватился за это обстоятельство. Будущее покажетъ, не явится ли онъ въ этомъ дѣлѣ такимъ неловкимъ, какимъ онъ показалъ себя и по отношенію къ Наполеону, когда обстоятельства складывались гораздо неблагопріятнѣе для Россіи. Замѣчаютъ, однако, что министры, стоящіе теперь у власти, чаще вступаютъ въ непосредственное сношеніе съ императоромъ, тогда какъ прежде все дѣлалось черезъ посредство ихъ молодыхъ коллегъ. Лица, опытныя въ распознаваніи этихъ различныхъ фазъ, увѣряютъ, что со стороны императора это было средствомъ привлечь ихъ къ себѣ, зажать имъ ротъ и затушевать тѣ промахи, которые онъ самъ надѣлалъ, не слушая совѣтовъ умныхъ людей, которые, быть можетъ, избавили бы его отъ позора, пораженія, пролитія крови и безполезной растраты средствъ. Въ самомъ дѣлѣ, кажется, что только сознаніе, что императоръ раздѣлялъ съ окружающими его ихъ ошибки, спасаетъ ихъ и прикрываетъ ихъ всѣмъ его авторитетомъ.

На этомъ я было и окончилъ этотъ небольшой отчетъ, но, не найдя случая переслать его вамъ, я воспользовался этимъ промежуткомъ времени и прибавилъ къ нему дальнѣйшее теченіе событій. Нужно, чтобы молодые министры почувствовали всю трудность ихъ положенія и чтобы эти различныя нападки устрашили ихъ, несмотря на явное покровительство, которое монархъ оказываетъ, защищая ихъ отъ всѣхъ. Князю Чарторыйскому пришлось, со своей стороны, составить общій обзоръ своей политической дѣя-

тельности съ того момента, когда онъ былъ поставленъ одинъ во главѣ департамента внѣшней политики. Эта работа, говорятъ, написана прекрасно, и, если вѣрить тому, что мнѣ разсказывали, она приписываетъ всѣ неудачи коалиціи поведенію Пруссіи и оппозиціи, которую встрѣтило мнѣніе министра въ то время, когда онъ хотѣлъ, чтобы русская армія перешла Вислу и чтобы открыто былъ поставленъ вопросъ о войнѣ или военной помощи берлинскаго кабинета. Онъ утверждаетъ, что этотъ сильный шагъ увлекъ бы его непремѣнно и что тогда положеніе дѣла измѣнилось бы совершенно. И въ самомъ дѣлѣ мысль, что всякаго рода предубѣжденія и враждебность противъ Пруссіи сдѣлались всеобщими среди арміи и дворянства, явилась началомъ противонѣмецкаго движенія въ Россіи. Вотъ почему это оправданіе, при всей его въ сущности неосновательности, пользуется успѣхомъ, опираясь на господствующія теперь въ странѣ идеи. Чарторыйскій прибавляетъ ко всему этому, что его политика была большею частью подчинена и раздѣлялась канцлеромъ Воронцовымъ до самой смерти послѣдняго (умеръ въ 1805 г.). Наконецъ, тріумвиратъ пускаетъ со своей стороны въ ходъ все, чтобы подкрѣпить свою защиту и удержать за собою поле битвы. И онъ остается еще хозяиномъ положенія настолько, что они отняли у графа Румянцова входившій въ составъ министерства торговли департаментъ внутреннихъ сообщеній съ тѣмъ, чтобы отдать его въ руки Сухтелена.

Стоитъ привести здѣсь разсказъ, который заслуживаетъ нѣкотораго вниманія.

Нѣкій французскій эмигрантъ, по имени Мезонфоръ, человѣкъ образованный, ловкій и способный, стараясь снискать расположеніе этой партіи, написалъ историческую пьесу для театра изъ временъ первыхъ лѣтъ Генриха IV, подъ заглавіемъ: «Свадьба д'Обинье». Пьесу эту онъ смастерилъ, примѣняясь къ современному положенію. Она полна всевозможныхъ намековъ на императора и его молодыхъ друзей.

Обинье, удаленный отъ двора за эпиграммы противъ королевы-матери, выведенъ въ тотъ моментъ, когда бракъ его разстраивается. Когда дядя его невѣсты дѣлаетъ ему упрекъ въ томъ, что изъ-за краснаго словца онъ сдѣлался изгнанникомъ, Обинье отвѣчаетъ: «Я изгнанникъ только по виду, но я не изгнанъ изъ сердца нашего молодого короля, который никогда не забываетъ своихъ друзей». Далѣе онъ восклицаетъ: «Да, нашъ молодой государь достоинъ имѣть друзей. Если онъ не надѣляетъ ихъ лентами и другими внѣшними отличіями, то это только потому, что онъ хочетъ, чтобы ихъ награждало не тщеславіе, а его сердце». Такіе намеки разсѣяны во множествѣ по всей пьесѣ, которая въ первый разъ была сыграна на этихъ дняхъ въ Эрмитажѣ при всеобщемъ одобреніи того постоянства въ привязанности, съ которымъ императоръ относился

къ своимъ друзьямъ, ибо въ этомъ источникъ счастья и любви къ нему его народовъ.

Лица, бывшія на этомъ представленіи, говорили мнѣ, что вдовствующая императрица не разъ хмурилась по поводу роли королевы-матери, но императоръ, напротивъ, былъ такъ очарованъ духомъ, въ которомъ написана эта пьеса, что усиленно апплодировалъ указаннымъ мною намекамъ и старался дать понять всѣмъ то удовольствіе, которое они ему доставляютъ, и смыслъ, который онъ имъ придаетъ.

Всѣ эти обстоятельства, которыя въ другомъ мѣстѣ могутъ показаться не заслуживающими вниманія, здѣсь говорятъ многое. Кто не жилъ долго въ этой странѣ, тотъ даже не можетъ представить себѣ всѣ рычаги, которые пускаютъ здѣсь въ ходъ, не имѣютъ понятія о ловкости, съ которой проводятъ со всѣхъ сторонъ окруженную и сбитую съ толку власть, какъ умѣютъ выжидать и учитывать моментъ, когда можно дѣйствовать, вліять или вредить. Здѣсь даже ангелъ попался бы въ ловушку. Было бы трудно представить себѣ средину между слабостью, которая предоставляетъ всему итти по волѣ фавора, и деспотизмомъ, который сокрушаетъ все подъ своимъ желѣзнымъ скипетромъ. И сказать, что на здѣшнемъ тронѣ даже добродѣтель, несмотря на божественное предвѣдѣніе, рисковала бы пасть, значитъ опредѣлить въ немногихъ словахъ положеніе Александра.

Заканчивая этотъ обзоръ, я долженъ прибавить, что на судѣ общественнаго мнѣнія лишь немногія репутаціи остались незапятнанными. Послѣ событій подъ Аустерлицемъ, казалось, всѣ похвалы были только для тѣхъ, кого уже не было въ живыхъ. Императоръ, прибывшій послѣ пораженія весьма поспѣшно, безъ всякихъ приближенныхъ, говорятъ, былъ похожъ на бѣглеца, покинувшаго свою армію. Великій князь, такъ настаивавшій на разрывѣ съ Франціей, не переставалъ съ пути умолять своего августѣйшаго брата, чтобы ему и гвардіи, которой онъ командовалъ, было позволено итти на врага, и это публика осуждала болѣе всего. Государь, видимо, не пріобрѣлъ въ этомъ случаѣ особыхъ правъ на народное уваженіе. Почти всѣ очевидцы утверждаютъ, что во время сраженія онъ постоянно держался позади арміи съ генераломъ Жанковичемъ, командовавшимъ его полкомъ, и пресловутымъ Штуттергеймомъ, ненависть котораго къ французамъ мы раздѣляли. При помощи хвастовства, клеветъ и карикатуръ въ этомъ искусствѣ онъ обнаружилъ большой талантъ, онъ вкрался въ благосклонность великаго князя, который сдѣлался орудіемъ его интригъ. Отправляясь изъ Петербурга, онъ, по преимуществу въ будуарѣ княгини Багратіонъ, разрубалъ французовъ пополамъ, какъ Скандербекъ, но въ день битвы онъ, говорятъ, сталъ невидимымъ пигмеемъ, котораго не могли найти даже лучшія подзорныя трубы

главной квартиры. Князь Багратіонъ, котораго петербургскіе бюллетени представляли намъ какъ славу и идола арміи и который, несомнѣнно, имѣлъ на это нѣкоторое право, не свободенъ отъ горькихъ упрековъ за ту роль, которую онъ сыгралъ въ военномъ совѣтѣ, повлекшемъ за собою битву. Генералъ-адъютанты Ливенъ и Волконскій подвергались еще болѣе тяжкому обвиненію, ибо оно касалось ихъ личной храбрости.

Такимъ образомъ, нигдѣ противоположности не сходятся такъ, какъ въ Петербургѣ. Поэтому-то тутъ нерѣдко можно слышать и похвалы Бонапарту. Наши молодые офицеры, вернувшись съ равнинъ Моравіи, гдѣ они успѣли оцѣнить этого великаго человѣка, отчасти сообщили публикѣ свои чувства. Первыя почувствовали эту прививку женщины. Поэтому за шляпами à la Багратіонъ послѣдовали шляпы à la Наполеонъ, какъ ни старалась полиція умѣрить эту моду.

То же самое произошло и съ нами: въ началѣ, когда торжествующая коалиція сражалась въ нашей странѣ, мы были для нихъ измѣнниками, не заслуживающими никакого уваженія, теперь мы умные люди, хорошо знающіе Австрію и постоянное уменьшеніе могущества коалиціи. Вмѣсто увлеченія Австріей вошло въ поговорку презрѣніе, которое она заслуживала, и нерѣдко можно слышать, какъ русскій крестьянинъ, жалуясь на плутовство другого, говоритъ: «Онъ поступилъ со мною, какъ австріецъ, и я не хочу имѣть съ нимъ никакого дѣла».

Я закончу соображеніемъ, которое, кажется, подтверждалось все время на опытѣ, а именно, что люди необыкновенные завоевываютъ сердца народовъ и покоряютъ ихъ себѣ столько же волшебствомъ—если могу такъ выразиться—прикосновеніемъ ихъ великихъ качествъ, сколько своимъ оружіемъ и политикой. Имъ предшествуетъ и за ними слѣдуетъ неотразимое очарованіе. Оно сопровождаетъ и волочащаго ихъ цѣпи плѣннаго съ поля битвы, и побѣжденнаго, который разсчитываетъ избѣгнуть ихъ при помощи бѣгства. Вотъ почему можно было сказать, что Наполеонъ создалъ себѣ русскую партію путемъ пораженія русскихъ. Нельзя себѣ представить, съ какимъ удивленіемъ и уваженіемъ говорятъ о немъ безпристрастные военные и съ какой силой онъ вбилъ въ нихъ мысль о своемъ военномъ превосходствѣ: это, можетъ быть, первый ударъ, нанесенный великолѣпному состоянію духа русской арміи. Первое же французское посольство въ Петербургѣ, навѣрно, найдетъ здѣсь въ наличности всѣ элементы для новой партіи, расположенной помогать французамъ и поддерживать гармоническую и умственную связь, несмотря на предубѣжденія и ненависть тѣхъ, которые стоятъ теперь у кормила правленія. Чтобы собрать эти разрозненные элементы и укрѣпить ихъ, нужно только немного ловкости и побольше денегъ, не столько, впрочемъ, чтобы ихъ под-

купить, сколько ослѣпить. Почему бы Франціи и ея союзникамъ не попытаться вырвать у ихъ общихъ враговъ вліяніе, которое они имѣли на здѣшній дворъ только для того, чтобы въ угоду своему честолюбію тревожить или приводить въ отчаяніе Европу? И если нужно отдать справедливость лояльности и безпристрастію, съ которыми Павелъ I и Александръ I исполняли свои обязательства, то нужно, съ другой стороны, поражаться тѣмъ отсутствіемъ русской политики, которая держала этотъ дворъ въ зависимости отъ Австріи и Англіи и съ давняго времени сдѣлала изъ него недостойное орудіе въ ихъ рукахъ, благодаря Разумовскимъ и Воронцовымъ, вѣрнымъ слугамъ тѣхъ правительствъ, при которыхъ они аккредитованы, а не своего отечества и государя.

Наконецъ, если для этой державы сдѣлалось неисправимой привычкой находиться подъ чьимъ-нибудь руководствомъ, то почему бы въ одинъ прекрасный день не объединить нашихъ усилій, чтобы пріобрѣсти на нее вліяніе такимъ образомъ, чтобы это наиболѣе соотвѣтствовало нашимъ интересамъ, спокойствію и счастію всего міра и ея собственному благополучію.

Я видѣлъ недавно Чьяттополи, дорогой кавалеръ. Я далъ ему письмо и докладную записку. Я ему прочелъ черновыя письма и далъ объясненія. Онъ въ самыхъ лучшихъ условіяхъ для исполненія этого дѣла, и я убѣжденъ, что онъ получитъ желательный исходъ и что все это можно будетъ обсудить здѣсь. До свиданія, счастливаго пути. Мой поклонъ m-me де-Брей.

Искренно готовый къ вашимъ услугамъ.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РОССИИ

XVIII-311